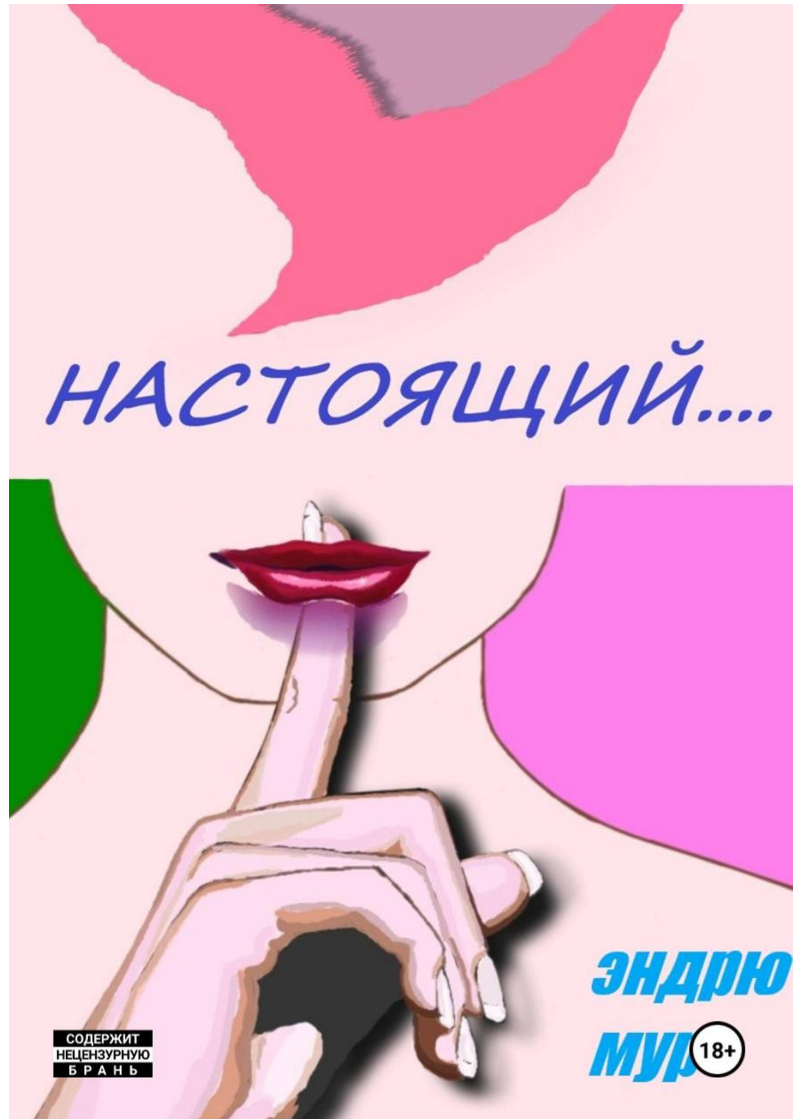

A stylized illustration of a hand holding a cigarette. The hand is rendered in shades of pink and purple. The cigarette is held between the fingers, and its tip is shaped like a pair of red lips. The background is a light pink color with large, abstract shapes in bright pink, green, and magenta.

НАСТОЯЩИЙ....

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЭНДРЮ
МУР 18+

Эндрю Мур Настоящий....

<https://litres.ru/74169558>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вторая часть дилогии, являя собой самостоятельную историю, пусть и с оговорками, вновь погрузит вас в круговорот фантазмагорий и детективных хитросплетений с участием Громова Ильи. Персонажа с нескучной, боевой судьбой. Который попытается найти для себя и близких наиболее выгодную позицию в нашем безумном Море. И до самого конца заставит теряться в догадках, за каким невероятным поворотом всё закончится. Прогулка не станет лёгкой, но наверняка наградит волшебным послевкусием, уникальным в своём роде.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

94

Эндрю Мур

Настоящий....

Настоящий....

Аннотация.

Вторая часть дилогии, являя собой самостоятельную историю, пусть и с оговорками, вновь погрузит вас в круговорот фантазмагорий и детективных хитросплетений с участием Громова Ильи. Персонажа с нескучной, боевой судьбой. Который попытается найти для себя и близких наиболее выгодную позицию в нашем безумном Мире. И до самого конца заставит теряться в догадках, за каким невероятным поворотом всё закончится. Прогулка не станет лёгкой, но наверняка наградит волшебным послевкусием, уникальным в своём роде.

«Чем меньше женщину мы любим,
Тем больше нравимся мы ей...»

А.С. Пушкин

Радость аутизма, прелесть амнезии.

Существует некая надуманная модель поведения, как Илья вывел для себя в процессе становления в жизни. Если

к чему-то сильно стремиться, а именно, необходимо сломать довлеющую парадигму, то всего-навсего нужен правильный настрой, мантры, аутотренинг и откровенное обращение ко Вселенной, с запросами. И тебе обязательно повезёт: стать богатым; обрести положение и вес; получить иные судьбоносные подарки; например порядочного спутника в супруги. Заманчиво...? Как бы ни так. На поверку эта байка, весьма популярная и бытующая в определённых кругах, приносит скорее психологические расстройства. Механизм работает, он действительно есть. Как описал его в своё время один из adeптов психологии: если ты чего-то очень-очень, прямо до невозможности, желаешь, этого не случится, никогда. Естественно, не в плане: «если очень хочу воды попить, не смогу, что ли?». Дело в масштабе, аспекте и тонкостях.

В своё время прошедший адское горнило концлагеря специалист описал феномен несколько иначе и убедился в истинности, проверив на практике. Кстати в среде своих пациентов пользовался подобной терапией. Как один из примеров сего курьёза, можно привести случай с пациентом-заикой, на улице. Вкратце, попав в щекотливую ситуацию при встрече с полицией, тому срочно потребовалось продемонстрировать свой недуг. И именно в тот момент, когда позарез нужно было заикаться, не получилось ровным счётом ничего. Все фразы как от зубов отскакивали, без малейшего намёка на дефекты дикции и косноязычие.

Безусловно, есть примеры, когда на ровном месте, слов-

но из ниоткуда, выпадает шанс, а затем снисходит Божий дар. Непостижимо. Здесь и начинается самая что ни на есть путаница, с яичницей, поскольку у массы людей возникает синдром или «ошибка выжившего». Перейдём к очередному примеру, довольно распространённой ошибки: не ведётся статистика убийств дельфинами людей. А нападений не мало, с летальным исходом для человека. Ибо дельфин никакая не милашка, а обычный зверь, только ещё и сообразительный. И непредсказуемый. А наличие ума или интеллекта только повышает опасность. Если решит с тобой поиграть, может, вопреки ожиданиям, утащить на дно, может легко переломать кости. В условиях дикой природы, разумеется. Развенчивать мифы о доброте, по факту, разбойников-афалин, не торопятся, видимо из-за навязанного медиапространством образа. А напрасно, могли бы сохранить жизнь незадачливому пловцу, который не понимает, что «улыбающийся добряк» в единый миг превращается в смертельную ловушку. Под триста килограммов живого веса из почти сплошной мускулатуры. Представьте гориллу-культуриста с горой мышц, и любопытного ребёнка, пристающего не пойми зачем. Исход может быть любым, а уйти потом, просто так, «атлет» не позволит, пока не «наиграется». Об этом никто не расскажет ещё и потому, что мёртвые не особо разговорчивы. Причём в данном случае кровожадность не имеется в виду, у животных своя мораль, простая. Если я понимаю, что сильнее, сделаю, что нравится: захочу помочь,

помогу; захочу убить ради забавы, убью. Без сожаления и комплекса вины. Исключением являются самые серьёзные, хоть и красивые монстры, косатки, они на людей не нападают. Однако у них в семьях матриархат, может причина в этом.

Исходя из принципов, с одной стороны гиперболы, поскольку нюансов в шаткой закономерности больше, чем статей в законодательстве, Илья старался вникнуть и в текущие события. Анализируя своё привилегированное, в плане комфорта, положение. Вся эта тёплая ванна гедонизма, в которой нежданно-негаданно он очутился, как раз чётко подпадала под правило. Поскольку по жизни: что до разносолов, что до роскоши и удобств, Илье было как «до лампы». А именно так оно и работает. То, чего избегаешь, когда незаметно, а когда и осознанно, обязательно тебя настигнет и напигует своими прелестями, пока не убедится, что урок исполнен. Или не погубит.

Оставалось смириться и жить, хорошо. А хорошо жить ещё лучше. Такой вывод напрашивался сам собой, после ничем не обременённого существования, да ещё и в абсолютном одиночестве. «Виват, Жанночка!» — вот уже целый месяц Илья, с подачи гостеприимной хозяйки, пользовался всеми благами её цивилизации. Хоть новое пристанище, пока не обвыкся, и было слегка непривычным.

На первых порах резиденция сильно удивляла. С одной

стороны, внушительный шикарный, по масштабу – лофт¹, с хай-тек наворотами и интеллектуальной начинкой. С другой стороны, минимум обстановки, с жилой площадью в две с половиной тысячи квадратных метров на этаже. И планировка строения подчинялась той же квадратуре, но с оговорками. Имея соответствующую форму основания, пятьдесят на пятьдесят, сам домик, четырёхэтажный, высотой метров под двадцать, сверху закрывался сводчатой крышей, вроде купола. Чем-то напоминал обсерваторию. Поскольку крыша была разъёмной, а верхний уровень являл собой вертолётную площадку.

Разумеется, придомовая территория – история отдельная. Под стать всему прочему обустройству. Любой национальный парк позавидует. Не говоря о крытой оранжерее, со свежайшими плодами, в том числе экзотическими. А благодаря автоматизированному комплексу поддержки почти всех процессов – отдыхай, не хочу.

Откуда брать остальные запасы, также думать не приходилось. Клондайк и Эльдorado всегда под рукой, в огромном холодильном погребе. Да Илья особо ни о чём и не думал. Просто балдел, до сегодняшнего дня. Но сегодня что-то изменилось, может совесть проснулась, неизвестно. И, в очередной раз придя в себя, на третьем этаже в спальном будуа-

¹ Изначально: бывшие цеха, мануфактуры, заводские помещения; впоследствии специально построенные здания в том же стиле. Главная идея — сочетание индустриальной эстетики и функциональности, где пространство остаётся максимально открытым и гибким.

ре, напоминающем полигон, Илья словно очнулся. Ни с того ни с сего вспомнился вдруг Кирилл. Тот ведь его на работу пригласил всё-таки.

Близился вечер, судя по окружающей панораме на стенах. Там отображалась дикая природа, в центре которой комната с двумя кроватями напоминала бивуак под сумеречным небом. Прямоугольный, так как этаж делился надвое, таким образом представляя собой две спальни, одинаковые по габариту и содержанию.

Солнышко, поскольку нельзя-таки мешать поживать, услужливо пряталось в облаках. Меж тем Илья потянулся и открыл глаза. Следом приветственное закатное светило обнажило свой контур. А на одной из стен возникла фигура в бирюзовом облачении, и пространство вдруг «взорвалось», игривой суровостью: «Ах ты гадкий! Ах ты грязный, неумытый поросёнок!»

Невообразимо завораживающий голосок заставил Илью улыбнуться: «Только не останавливайся. Ругай, ругай меня дальше», — что бы ни текло из уст этого существа, звуко-ряд походил на бальзам и елей в одном флаконе. До сих пор создавалось благостное впечатление, всякий раз наводя на мысль: с такой женщиной, пусть и виртуальной, никакой секс по телефону не сравнится. Тут как тут в голову полезли фантазии.

— Эй-эй! Веди себя прилично, несносный мальчишка! — прозвучало от девицы, насмешливо.

— Никак не могу. Впрочем, там всё благопристойно и по обоюдному согласию, Мирочка, — отшутился Илья и поднялся с постели. — Будь любезна, контакты Корнеева мне разыщи где-нибудь. Надо себя обозначить, не то обидится.

— Минуточку... Видео не дам только, ты действительно как свинтус.

Илья оглядел себя: «Вот ведь шланг тюлений, где умудрился так изгваздаться?» — меньше чем через минуту мягкий тональный сигнал отвлёк от изучения внешнего вида, и начался диалог.

— Привет, Илья. Какие проблемы? — сухое вступление Кирилла говорило само за себя.

— Привет. Проблема как раз в их отсутствии, — юморнул «трубочист». — Увидеться сможем?

— Не получится, от слова никак.

— Что, так? — уже серьёзно отчеканил Илья.

— Я думал, ты сам понимаешь.

— Пока смутно. Если из-за того, что я пропал, то это поправимо, наверстаю.

— Странно подобное от тебя слышать. Разве не понимаешь, что произошло?

— Да брось, давай без загадок и обид. Подъеду, куда скажешь.

— Ну, разве только ребятам поможешь ситуацию разрулить. Полагаю, там наверняка гиблое дело. Да, и Соне букет сирени от меня не забудь подарить.

— Чего-то я не пойму. Ты где вообще? Если скрываешься...

— Всё, Илья, — оборвал Кирилл, — и так много лишнего в эфире. Хоп!

И диалог стремительно и необъяснимо завершился. А Илья, некоторое время пытаясь погрузиться в суть текущей ситуации, просто просидел сиднем на краю кровати. Минут десять. После чего выдохнул и двинулся выполнять полунамёки своего приятеля. Теперь, правда, приятеля ли?

Разгуляй поляна, на которой скромно ожидала своей участи литровая бутылка вискаря и оливки, этим богатством и ограничивалась. Вечер понедельника проходил экватор. Не рано и не поздно. Дополнением к алкогольному гешефту выступало поганое настроение, которое не скрашивали: ни праздничное убранство первоклассного варьете, ни эстетическое зрелище.

Музыка долбила жёстко. Однако в других условиях поговорить откровенно просто не получится. Пристальное внимание и контроль, настоящий колпак колпаков, не позволяли увлекаться привычными заботами и заниматься обыденными делами. А пару дней назад и вовсе подгорело. Виктор Третьяков угодил в новый виток допросов и мероприятий по проверке на предмет иностранного агента. Принадлежность к этой неприятной теме ему обеспечил звонок, в прошлом начальника, Громова Ильи. И хотя напрямую Виктору никто

и ничего не объяснил, впечатление от того, как за него взялись, указывало на действия контрразведки. Почерк знакомый, здание знакомое, лица знакомые. Да и в свете недавних событий напрашивался один единственный вывод: их контора замешана в шпионских играх.

После того как Илья пропал во второй раз в офис вдруг нагрянули спецслужбы, парализовав своим маскарадом всю работу в авральном порядке. Все кураторы внезапно поумывали руки, передав, что никаких дел иметь с ними не желают; и перспектив на рынке услуг безопасности у них больше нет, как и будущего, даже призрачного. И последовал экстремальный кризис, и экстренный передел: все финансы заблокированы, документы изъяты, офис опечатали. Тотальный швах и шварк об стенку, с подвыподвертом, если коротко.

И вот два молодых человека сидели в стриптиз-клубе, за столиком у сцены, где извивалась на шесте полуобнажённая девица. Старательно. Но прирождённые натуралисты на неё внимания не обращали. Хоть здесь, в относительном одиночестве, они могли позволить себе не фильтровать базар и не напрягаться, а открыто поделиться друг с другом своей печалькой.

— В жизни не поверю, Виктор Петрович, — рыжий парень скорчил недовольную гримасу.

— Обзываться перестань уже. Я конечно не Витёк, но и не Петрович, — он посмотрел на пилонную диву сквозь стёк-

лышко и произнёс первый тост: — Давай, Коля, понеслась, — а затем стукнул склянкой о соседний стакан и добротнo глотнул. — Теперь, что касается веры. У нас, дорогой мой коллега, свобода вероисповедания. Говорю как профессионал, посмотрелся и на кристально-чистых мерзавцев, и на безвинно-честных предателей. Попадёшь в прицел обработки, тебя раскатают так виртуозно, что сам удивишься, насколько ты уязвим и податлив. На загнивающем западе по этой части спецы наикрутейшие. А верить, во все времена, нельзя никому и самому себе в том числе.

— Грустно, — Николай всандалил первый шот и задумался.

— Анекдот, — Виктор улыбнулся. — Знаешь, что такое импотенция? Это когда мужик не может заработать больше, чем его жена способна потратить.

— Не актуально, пока.

— А для меня-то как актуально, — Виктор осушил стакан, после чего плеснул в оба щедрой добавки. — Прикинь, помимо нестоячки, у мужика случается ещё и климакс, — он ткнул соседа в плечо стаканом, предлагая нарастить темп.

— Заинтриговал, — напарник принял на грудь и замер в ожидании.

— Это когда ты не можешь родить ни одной идеи, как заработать. И вот это реально грустно, — Виктор простимулировал дурманизацию и продолжил: — Моя благоверная мне подарок преподнесла. Двойню, представляешь.

— Поздравляю, — Коля решил не тормозить режим «накидываться за компанию» и догнал коллегу, а потом, прикинув что-то, уточнил: — А ты не форсируешь? Срок ведь мизерный.

— Если бы, если бы, Коля... Полный дубль, дуплетом, — Виктор вздохнул. — У Светки есть сестра, они близнецы. На днях двойню родила. Я ж почему с детьми не торопился. У них в роду какая-то эпидемия по женской линии. Как рожать, обязательно двойню или тройню. Причём плодят в основном девочек. Будто цыпо-криптоферму кто-то создал, в парадигме фем-прогресса. Ладно бы пацанов, — следующая порция виски поставила затяжную запятую.

— Да чё ты, чё ты, — разбавил атмосферу весельем Коля, — тройня тоже норм. А с возрастом...

— Спасибо, утешил. На самую большую мозоль надавил. Коля, норм, это с какой колокольни плюнуть. Светка, например, не транжира, а сотку вынь да полож, на карман. Сам, дурак, приучил. А через полгода начнётся... А потом уже три прорвы, как минимум. Ты пойми, пацан просто рентабельней. Не так накладно. Допустим, если пацан в драной куртке, ещё тудым-судым-зашьём. Или одни и те же штаны — до фонаря. То девочка, уж, извините. Наряди, бантики-шмантики, косметика, когти, татушечки, пирсинги не дай бог, пилинг-шмилинг. И ля-ля-ля бесконечное... Капец. А в нашем положении, полнейшей дискредитации, нормальное место найти... легче от хронического геморроя избавиться. И

с Софьей Алексеевной непонятки сплошные. Все связи оборвала. Короче, Илья постарался, ещё хлебнём, — и Виктор смачно хлебнул.

— Спорить не буду, согласен. Меня тоже заблокили. Замордовали вкрай. Полный цифровой легалайз. И не подхалтуришь. Но я всё равно Громова бы в черти не записывал, не тот типаж.

— Ты думаешь, мне легко его под двойника подводить? Не вижу иной причины, сужу по отношению к себе и по поведению наших бывших партнёров. Поступки сами за себя говорят, лучше любых аналитических справок. Ты что собираешься сегодня делать?

— Х З. Настроение стрёмное. Вроде и не под арестом, но под надзором. Вроде не под подпиской, но передвигаться только согласованно. Уши, ноги и хвосты одни вокруг. Обычно сам веду кого-то, а здесь на собственной шкуре приходится испытывать. Неуютно. А главное, без комментариев, — в подтверждение своих слов Коля порыскал по залу, нашёл глазами наружку и поднял стакан в знак приветствия. — Пусть на слюни изойдутся. Или подавятся, — а затем выпил.

— Вот и я о том же, — не успел Виктор оказать поддержку столь замечательному тосту, как у него завибрировал смартфон. — Да ну на хер... — он взял со стола телефон и предъявил товарищу изображение, словно живой пример, как можно испортить и без того фиговое настроение. — Я не стану отвечать.

Уже порядком хмельной коллега жестом предложил, мол, давай я, и, взяв в руки аппарат, ответил на звонок:

— Слушаю, — сказал Коля холодно.

— Здорово, чудик. Как вы там? Сильно заскучили?

— Не понимаю, о чём вы.

— Короче, не разбегайтесь, меня дождитесь.

— Вы понимаете, что спалитесь?

— Буду рад тебя увидеть. Сидите, где приземлились, скоро буду.

Связь разъединилась. А Коля, с полным несварением происхождения, уставился на визави:

— Он скоро будет. Что скажешь?

— Или он моросит, в очередной раз, или... — Виктор немым языком долго пытался выразить удобоваримую версию и в конце концов выдал: — просто страх потерял или спятил, если появится.

Дальше они сидели и играли в молчанку, попивая алкоголь, вприкуску с маслинами. Нерва ни у кого не отмечалось: ни на лице, ни в мыслях. Анестезия знала своё дело, наладились прилично. И каждый гонял думы о своём, с погружением, разумеется. Николай ждал встречи с нотками авантюризма внутри. Виктор же не мог уложить в голове грядущее событие, если это не провокация, и оно состоится. Не умещалось в рамки, потому что линия действия, выбранная провокатором, не укладывалась ни в одну схему развития. На хитрую многоходовку не тянет. Тянет на бесшабашную

безбашенность, или мирную явку с повинной. Какая же глупость... Как вдруг практически перед носом раздалось: «Категорический респект, коллеги!»

Оба соловья дружно вздрогнули и обратили клювики в сторону звука, долетевшего со сцены. И упёрлись в сидящего на краю танцпола стильного мужчину с бронзовым загаром. В плаще, ковбойской шляпе, зеркальной оптике, потёртых джинсах и улётных казаках. Тот с улыбкой спрыгнул на пол, расположился за столом и протянул руку ладонью вверх:

— Хоп! Кстати, попсовый у тебя наряд, Коля. В смысле имиджа.

— Хоп! — хлопнул в ответ по ладони рыжик, ему стало весело. — Не втыкаю, какой смысл у этих каракулей, — он оглядел свой прикид, — но самого прёт. Коллеги с Азии мерч подогнали.

Меж тем вторая персона натянула на физиономию скепсис и не торопилась выходить из-за тумана антипатии. Однако гостю, судя по всему, явно экзальтированному, это обстоятельство не помешало взять Витину руку и крепко сжать ему ладонь, до хруста.

— Ходят слухи, вы меня потеряли, — юморнул Илья, с улыбкой, не выпуская хмурого коллегу из капкана.

— Ну хорош, ну! — Виктор дёрнулся посильнее, и рука вдруг выскользнула, чуть не кувырнув хозяина на пол. А когда вернулось равновесие, вернулось и желание общаться.

— Ядрёна-Матрёна, ты постебаться сюда зашёл?

— Не угадал, Витя. Хочу вопросы позакрывать. За сегодня накопилось, резко. Без меня, боюсь, не обойтись.

— Откуда ты вообще свалился? — Виктор недоумевающе сверлил глазами стилигу, пришедшего на помощь, как чёрный плащ из мультика прямо. — Ты как попал сюда вообще?

— На такси, — спокойно произнёс Илья, вспоминая единственное стандартное событие, за последний месяц.

Меж тем неудовольствие нарастало, продолжая возмущаться от искреннего радушия и непосредственности писаного добра молодца:

— Ты вот мне скажи, какого лешего ты звонишь со своего номера, а потом исчезаешь? — Виктор обратил очи к небу, вознося краткую молитву, после чего продолжил: — Как тебя не выкупили, ума не приложу, фантастика какая-то. Да хрен бы с ним, но меня из-за тебя и в хвост, и в гриву...

— Объясняю поэтапно, — прекратил гневливый поток ровный и хорошо поставленный говор, — скрытые и незнакомые номера ваш софт сразу отмечает, они и в истории не отображаются, а удаляются автоматом. Ведь так? — Илья глянул на Колю, довольно жующего закуску.

Тот кивнул:

— Политика партии Корнеева. Кстати, может он тоже нашёлся?

— Нашёлся, только не целиком, — полетела шутка, но по лицам публики стало понятно, попала не в то горло. — Всё потом, — добавил Илья, чтобы никто не поперхнулся. —

Значит так, толком перетереть нам те гаврики не дадут, — он кивнул в сторону наружного наблюдения, которое собралось активизироваться, судя по напряжённым фигурам. — Я сейчас к ним, знакомиться. Заодно и недоразумения улажу. И вам полегче станет.

— Ты с дуба чебурахнулся? — Виктор на секунду вознёс очи горе и вновь устоялся на полоумного. — Да эти гаврики, как ты выразился, нас пасут круглые сутки, чтобы очередную шпионскую сеть накрыть. И агентуру заграбастать. А в управе, зная наших, под это дело уже и звёзды на погоны приготовлены, и наградные листы отпечатаны. Теперь одними очняками задолбают. Пока разоблачения не добьются. А тебя, как двойника или резидента, куда-нибудь в застенки упрячут и сгноят по-тихому. Если не расколют, или в обменнике не сгодишься. А с нами... а нам просто труба, а потом кирдык и хана.

— Обломаются, Витя, разоблачалка у них ещё не выросла. Так что, отставить сопли. Ясно? — у Ильи вдруг всплыла изнутри интересная фраза и поставила точку: — Ты не представляешь, что их ждёт.

— Так ты не...?

— Я тройник, четырёхгранный, противоугарный, веретенообразный, — Илья поднялся. — Всё, мужчины, хоп!

По пути к контрикам Илья провёл онлайн совещание с самим собой, мимолётно: «Не спешим, подходящие условия скоро предоставят».

Навстречу уже выдвинулись двое крепких парней, точка пересечения намечалась в центре зальчика. Илья снял очки, повесил их за дужку во внутренний карман и представился, при встрече:

— Громов Илья Андреевич. Чем могу быть полезен?

— Вам придётся проехать с нами, — не представляясь, выразился один из шпиков.

— К вашим или к нашим? — Илья продолжал улыбаться, это ведь так раздражает, если не искренне.

Припомнилась ситуация из гражданской жизни. Один кореш выбирал для своей девчонки подарок в торговом центре. А неподалёку паслась стайка хулиганов, находясь в свободном поиске. И приятель, конечно же попал, сначала в зону их особого внимания. У Ильи уже тогда обнаружились задатки к мониторингу окружающего пространства, и гоп-стопщики были определены фактически сразу. Кореша он взял под руку, оторвал от занятия, дескать, нас пасут, и они отправились в местную забегаловку.

По дороге им заградили путь, предлагая изменить направление и обстановку, в сторону улицы. Там свежий воздух и прочее. А Илья просто стоял и светился. От всего сердца, ему было реально весело. А на вопрос, чего лыбишься, ответил, а чего ему, плакать, что ли. Ничто так не пугает, как чувство невменяемой раскованности жертвы. На улице разговор мог бы и продолжиться, однако в людном месте затевать драку со счастливым человеком или дураком как-то не

комильфо и дискомфортно. Так и расстались.

Здесь ситуация сложилась иная, и счастливцу угрюмо прилетело в ответ: «К нашим, к нашим». После чего, не поворачиваясь спиной, Илью обступили, таким образом проложив дорогу и предлагая следовать по заданному маршруту.

До вестибюля дошагали втроём, а на входной группе присоседился ещё один шкаф. Только не славянский, а страховочный. И заиграли квинтетом, соответственно до парковки. Где Илью посадили в затонированную иномарку, на заднее сиденье, обложив дружеским теплом слева и справа, как водится.

Тотчас внутренний голос, вынырнув на секунду из забвения, поставил сознание в известность: «Сейчас интерполирую. Никаких легенд. Правда, только правда и ничего, кроме правды. Пора отключаться», — и растворился в небытии.

«Парни, я вздремну, если не возражаете», — объявил Илья, а затем, не дожидаясь ответа, обмяк, словно действительно выключили.

Такой режим сна становился привлекательным: по причине того, что обыденная жизнь давно превратилась в забытый богом рецидив, подарив на смену цветик-семицветик. Чаше перманентный. В котором желаний не загадываешь, а просто констатируешь, как тебя прокатили на очередном родео и как ты в очередной раз выпал из седла. В осадок. Где Явь, Правь и Навь словно смешались; иногда деликатно, а иногда

без обвиняков намекая, впросак угораздило попасть исключительно благодаря огромному желанию бежать впереди паровоза – в плане аналитических выкладок и не только. Теперь же момент выхолащивания самого себя канул в Лету; раз за разом растворяясь в беспробудном мареве, даруя пост-эффект – «море по колено»; несмотря на новый, оторванный от реальности, лепесток, который и сейчас не стал исключением.

Когда Илья проснулся, то очутился в очень занимательном положении. Сначала будто без памяти, по состоянию – отформатированный чистый лист. Он попробовал откатиться, по привычке собирая картинку постепенно, как после загулов. И, хоп! Пустота резко возместила убытки, на интуитивном уровне. А Илья первым делом уточнил, знает ли сопровождение, кого доставляют. Мол, вы везёте штучный товар, так что поаккуратнее. Его уверили, всё будет на высшем уровне, цацу похоронят со всеми почестями. Язвенники. Все всё понимали, видятся, скорей всего, в первый и в последний раз. Каждый просто выполнял рядовое задание, в ракурсе которого смысл отсутствует как лишний фактор.

По итогу путешествия экипаж прибыл в неглубокое Подмоскovie, в какой-то закрытый пансионат тюремного назначения, с однотипными серыми корпусами. В два этажа то ли бараки, то ли казармы с однообразными фасадами стояли по-армейски, три в ряд, на расстоянии друг от друга в сотню метров. Сами здания навскидку пятьдесят на двадцать,

с разлинованными для машин подъездами. Однако уныния местная планировка не нагоняла. Она утопала в растительности. Поскольку приграничная площадь, обширная, с перепадами высот, представляла собой дикую природу, включая даже водоём.

Маршрут привёл их к самому крайнему корпусу, где конвой передал задержанного из рук в руки. Там, уже местные спецы, предложили вынуть всё содержимое из закровов, после чего, избавили от стильных аксессуаров, пропустили через подобие рамки и проводили его на второй этаж. Где за типовым столом в одном из типовых кабинетов ожидал типовой процедуры типовой пиджак с типичным видом въедливого крючкотвора. Сухопарый, с залысынами на голове, маленькими колючими глазками, тонкой линией рта, полумесяцем чуть ли не утыкаясь в подбородок, и острым носом. Нос был не крупным, иначе персонаж походил бы на набросок или шарж карикатуриста. А так перекося баланса был незначительным. В сторону скорее грусти, чем радости.

И эта грусть, не давая осмотреться и не предлагая присаживаться, сходу прострелила скупым на эмоции вопросом:

— И где вы так долго пропадали, Илья Андреевич?

Однако гость, не намереваясь, видимо, стимулировать тягомотину допроса, выразил протест:

— Пока не буду убеждён, что моё командование в курсе текущего положения дел, вы зря потратите время.

— Вы человек гражданский, — службист откинулся на

спинку кресла и жестом пригласил расположиться напротив, на стуле.

Светленькая комнатёнка, пусть и с зарешеченным окошком, не производила впечатления застенков КГБ. Оформление было с характерным уклоном, свойственным обителю архивариуса: старая мебель, основательная, ещё советских времён; массивный низенький шкаф с одной стороны, почти во всю стену; испещренный ящичками, каждый с ярлыком, расписанным цифрами и аббревиатурами; на шкафу нагромождения из папок. Выпадал из композиции только одинокий ноутбук-инопланетянин, случайно приземлив себя на стол. Меж тем Илья тоже приземлился, на стул, и конкретизировал претензию:

— Не сугубо. Мой гражданский статус ситуацию не упрощает. И вам отлично это известно. А если нет, мы с вами можем легко поменяться местами.

— Ситуацию... — канцелярский чин усмехнулся. — С Вадимом Михайловичем Овчаровым знакомы?

Илья расцвёл, прорастая в воспоминания, откатив себя почти на десять лет назад. В какую же давнюю беззаботную пору окунул его обычный вопрос. В пору молодецкого становления, и не спущенных тогда ещё в галюн идеалов и понятий. А ведь, как вчера...

В закрытом спец-интернате капитан Овчаров, поначалу «овчарка», гонял их на плацу по строевой подготовке на курсе молодого бойца, ещё перед присягой. И гонял самозаб-

венно, с матами, энтузиазмом и злорадством. Может, юнцам так просто казалось. Но молодые воины муштру на тормозах не спустили. И недолго думая, его энергичное погоняло «овчарку» сменили на более прогрессивное «Фуй!», только грубее. Он так круто коверкал команду «Стой!», что другого крепкого словца искать и не пришлось. Так на нём и повисло.

— Значит, жив курилка, — благодушно выдохнул Илья.

— И здравствует, как генералу и положено, — отрезвил службист. — И именно ему вы обязаны тем, что мы сейчас здесь с вами разглагольствуем. В противном случае разобрали бы по винтикам. Вы ведь знаете, как это запросто делается, — он развернул лэптоп экраном к Илье. — Ваше личное дело, если сомневаетесь. И полное досье. Гриф не снят. Визу вашего руководства мы получили. На любые следственные действия, с сохранением... Короче, попросили обойтись без непоправимого ущерба. Мы пока прислушиваемся и присматриваемся. Понятно?

— Так точно. Только ума не приложу, чему обязан такому пристальному вниманию. Мой настоящий профиль тяготеет к штурмовой орбите и сопутствующим мерам подготовки. На гражданке зарекомендовать себя пока не успел.

— Пока не успели, ну-ну, — повторил следователь, словно психолог-методист. — Как давно вы знакомы с Корнеевым Кириллом Вадимовичем?

— Так с самого детства. Жили-были, как говорится, два товарища. А потом судьба развела. Он перебрался в Моск-

ву, с предками, а меня сами знаете, куда занесло. Теперь вот, спустя почти пятнадцать лет снова пересеклись. Не плотно, пару раз пообщались, он меня к себе работать пригласил. Согласия пока не дал, осматриваюсь, думаю.

— Илья Андреевич, валять дурака не советую. Печально закончится.

— Дуракавалянье не по моей части. Вы ведь ознакомились с моим послужным списком и прочими деталями, включая психологические экспертизы. Я проверенный перепроверенный. Если есть, что предъявить, предъявляйте. Мне скрывать нечего.

— Скрывать нечего, — затянул старую пластинку спец. — А вы хорошо помните события двухнедельной давности? Куда вы ездили с Корнеевым двадцать первого июня, допустим?

— Вы что-то путаете. Не мог я с ним никуда ездить, физически, — Илья недоумённо пожал плечами. — Да мы с Кириллом и виделись-то всего пару раз. Первый, в ресторане, где он меня со своей супругой познакомил. Второй, у него в офисе, где он меня представил кое-кому из персонала и обрисовал род деятельности своей конторы. Этим наше общение и ограничилось. А встречаться с ним в мои планы вообще не входило, вплоть до моего решения относительно предложения о работе. Сегодня вот собрался переговорить, только лично с Корнеевым не получилось. Пришлось к ребятам нагрянуть на мероприятие, выяснить, в чём дело.

— Выяснить, в чём собственно дело, — оппонент прикрыл глаза, потёр лицо рукой, после чего угрожающе заскрежетал, как несмазанная телега: — Возможно, мирный формат нашей беседы вводит вас в заблуждение. Напрасно. Память мы умеем возвращать. Дальнейшая процедура и методы воздействия вынут из вас всю информацию, до последней капли. И моё крайнее предложение: начните вспоминать прямо сейчас, не дожидаясь применения крайних мер.

— Там особо и вспоминать-то нечего, — Илья улыбнулся.
— У меня все дни напролёт один сценарий, без особых отличий. Уже больше месяца на природе загораю, в одно лицо.

— А поконкретнее? — злющие глаза службиста чуть расширились от наглой лжи.

— Да в столице вся эта суета-маета мне сразу не по душе пришлась. Движ, замашки светские, выгибоны с рестиками а-ля гурмэ. Сборище снобов, такое впечатление. Кирилл говорил, привыкну. А я в ответ, подумаю, но ничего не обещаю. И решил махнуть дикарём на природу. Отзывы почитал, наметил для себя маршрут, по глухомани, предпочитаю в одиночку отдыхать. Ну и рванул себе спокойненько. На марше встретилось озерцо симпатичное, разбил лагерь. Думал порыбачить, не представляете, какая красота...

— Вы издеваетесь? — повысился градус напряжения.

— Да боже меня упаси. Вы спросили, я отвечаю. Так вот, вечером, смотрю, неподалёку девушка с холма к берегу спускается. А места дикие, даже странно, откуда она там

взялась, на отшибе. В принципе я не любопытный, вот только она, как меня заметила, остановилась и: ни туда, ни сюда. Может, испугалась. Пришлось собирать манатки. Стало дискомфортно, самому не нравится, когда на моё место претендуют. Или подглядывают. А когда упаковался, она ручкой начала махать. Так и познакомились.

Девчонка молодая, эффектная, Жанной звать. Я ей сразу представился, не варнак, а офицер. И вообще, солдат ребёнок не обидит. Предъявил фотки, СНИЛС, как положено. Разговорились. Погуляли по берегу. Оказалось, живёт там иногда, в домике, на холме, причём одна-одинёшенька. Если вкратце, в гости пригласила и...

— И там вы лобызались в дёсны целый месяц, безвылазно, — съязвил слушатель. — И ни с кем больше не разговаривали и не переписывались. Наверное, дайте угадаю, вы телефон в озеро случайно уронили. А у вашей пассии вообще не оказалось ни телефона, ни других признаков цивилизации.

— Отнюдь. Даже пальцем не притронулся. Она хоть и суперская, но какая-то неродная, по повадкам. Манерная, не чета нашим простецким бабам. Думаю, иностранка, говорила с лёгким акцентом. Что до телефона, не было экстренной нужды с кем-то связываться. В домике для этих целей есть проводной или спутник-цифра, не разбирался, а стандартной зоны покрытия просто нет.

— Покрытия, стало быть, нет, так-так. Складно-складно, — службист закивал головой. — И чем же вы занимались

с вашей иностранкой целый месяц? В такие-то времена и с вашим-то предписанием?

— А почему не пообщаться, доступа к гостайне у меня нет. Сделали из нашей программы фетиш в своё время. Так особой пользы всё равно не принесла: от дронов уворачиваться устойчивая психика не помогает; а рукопашка, прямо скажем, удел средневековых баталий или бандитских толковищ, качественно ничего уже не решает. Поэтому программу в тираж и списали. Нас ценят по инерции, как актив, на который жаль потраченных средств.

— И тем не менее.

— Да мы пообщались-то всего ничего. Она мне показала дом, объяснила, где что находится и предложила пожить, пока не надоест. А самой, дескать, пора, надо срочно уехать.

— Срочно уехать, понятно. Она не иностранка, она идиотка, — следователь достал платок, высморкался и устоялся на соплях. — Вам самому не надоело?

— Вообще-то нет. Не скрою, поведение и меня сперва удивило. Но девица сказала, хочет поделиться благами с приятным мужчиной. А на расходы и ущерб ей, типа, наплевать, обеспечена всем, что душеньке угодно. Там запасов целый арсенал и с шанцевым инструментом полный порядок, — Илья многозначительно почесал свой загорелый шнобель. — Настоящий оргазм для сибарита. Ну я и не отказался, дембель отгулять по-человечески. Покуролесил с месячишко. И решил вот небольшой перерыв сделать, чисто технический.

А то потерялся, без вести.

— Вы неплохо выглядите, для человека, который только вырубил из штопора.

— Дурное дело – нехитрое, могу поделиться опытом.

— А вы не могли бы это всё изложить на бумаге? — оппонент вдруг оскалился, достал из ящика стола несколько листочков, положил на стол перед Ильёй и припечатал их шариковой ручкой. — Не хочу упустить такой шанс.

— Разумеется. Только, что это вам даст?

— А когда мыльный пузырь, который ты тут надуваешь, лопнет, ты сожрёшь свою галимую туфту, — изо рта выплеснулась, наконец, первая неприкрытая агрессия, а затем и во-все распалилась ругань со спесью, обнажая ещё одну, скрытую личину. — На закуску! Всю эту муру! Без бухла и без кетчупа!

— Тенденцию уловил, но, не вариант. Скорее, подотрусь, — Илья улыбнулся и накропал на листике точный адрес дома недавнего отдыха. — В правдивости моих показаний сможете удостовериться на месте.

Следователь или опер, до конца оставаясь инкогнито в должностном разрезе, сопоставил ключевые тезисы, противоречащие фактам, и крепко призадумался. Фаллический символ, что рисует субъект разработки, на первый взгляд не выдерживал элементарной критики. В любой другой ситуации, разрешить задачу – пара пустяков. Здесь же настораживала слишком нелепая легенда. А именно так и выглядит

опасность угодить в анус, с точки зрения скоропалительных выводов. Ведь подопечный даже не напрягался. Информация, которую он излагал, совершенно точно была истинной, обладая по сути именно такой долей обоюдного убеждения. И воспоминания с мимикой соответствовали: красочные такие, благодатные; с его слов, утопая в природном лоне, разливаясь в небесной синеве, включая и ледяную из морозильной камеры, и не только.

Помусолив тему, службист с кем-то кратко переговорил по дежурной связи и подытожил: «Удостоверимся, можете не сомневаться. А пока, раз по фен-шую не получается, устроим генеральную репетицию. Чтобы кое у кого вредных иллюзий не возникало перед завтрашним днём».

Уже через минуту в кабинет зашли трое. Хозяин приказал увести не понятно на что рассчитывающего арестанта: либо юродивого, либо непуганого. После чего одного из сопровождения попросил задержаться.

— Вот что, Рома, — старший стукнул ладонью по столу, — на цокольный этаж его.

— Степень обработки, Руслан Григорьевич? — уточнил коренастый шатен с квадратным подбородком.

— Пока щадящая. Главное, чтобы не расслаблялся, — командир оценил показания наручных часов и присвистнул. — На сегодня закругляемся. На завтра, в первой половине выдвигаешься на адрес, — узловатый палец акцентировано постукал по листочку с данными. — Представляешь, наш фи-

гурант утверждает, что якобы уруру² весь последний календарный месяц, за городом.

— Может, на эту чушь время не тратить, товарищ подполковник? — подчинённый состроил скептическую мину. — Ему деваться некуда, предлагаю сразу шахматный допрос с полиграфом. Третьякова с Трофимовым выдерну, раскрутится, как флюгер.

— Не стоит, Роман Сергеич, — прозвучало задумчиво. — Ни флюгера, ни пропеллера ты из него не вымучишь. Стандартная процедура здесь не годится. Предварительно обставимся, тогда и нагрузим. Велика вероятность кодировки. Диагноз не окончательный, но симптомы говорят сами за себя, он верит в то, что транслирует. Допускаю, обработали. Аудио есть, послушаешь. Так что, завтра дополнительные мероприятия, а дальше по результату.

— Разрешите идти?

— Действуй, — начальник поднялся и расправил плечи. — Спать не давать, пусть Пал Саныч подключится. Сопутствующие компоненты он отлично умеет подбирать. И в перспективе, полагаю, придётся прибегнуть к химии.

По пути следования Илья попытался проанализировать положение вещей. Если бы он оставался при погонах, это

² В некоторых случаях «уруру» может использоваться как междометие, выражающее эмоции удовольствия, довольства или предвкушения. Например: «Мы не хотим работать — мы хотим уруру!», что может означать стремление получать удовольствие от жизни без активных действий.

могла быть очередная психологическая подготовка или проверка навыков ухода из-под различного рода воздействия. Типа пресс-хаты, только в профессиональном смысле. Однако такой вариант отметался сразу. И поскольку оппонент упомянул про гражданский статус, прицепились явно по другой причине.

Безусловно, интерес к нему, взятый вроде как с потолка, мог быть сопряжён и с закручиванием гаек в связи с усугублением международной обстановки. Однако и здесь дырка от бублика. Контрики, судя по первичному допросу, ни сном ни духом о его недавнем отпуске, с подачи гостеприимной импортной феи. А претензии, конкретные, так и не предъявили.

Таким образом, оставался всего один вариант – разработка. Тогда всё стыкуется, требовалось просто обождать, развития ленты событий; покуда нечёткая для понимания цель сама не проявится. Вдобавок Овчаров в деле замешан. Случайно ли?

Тем временем неведомая дорожка привела узника на уровень ниже ноля, относительно горизонта. И троица оказалась в коридоре, навевающим совершенно конкретные ассоциации. Так обычно выглядит интерьер, предваряющий морг и патанатомические лаборатории, при больнице. Плиточный тёмный пол, белые кафельные стены, кое-где с выбоинами и трещинами от времени. Ремонт им только снился, и сны были явно не вещими. Впрочем, в плане атмосферы весьма

недурственно, поскольку в воздухе не витали ароматы формальдегида и прочие медицинские атрибуты, соответствующие обстановке.

Путь, от лестницы, расположенной в торце, до камеры пребывания пролегал фактически через весь коридор. И, сопровождаемый только хорошей акустикой, Илья вскоре очутился в очередном интересном положении. В глухом бетонном склепе с глухой металлической дверью. Куда конвоиры, которые за весь маршрут не издали ни одного звука, кроме топота, просто завели своего подопечного. А потом заперли, без комментариев, в шкатулку, не иначе. Которая представляла собой пенал трёхметровой высоты, напольным габаритом с квадратный аршин, и с ярким пронзительным освещением по периметру.

Светодиодные панели слепили со всех сторон, исключая дверь. Также немилосердно бликующую. И стоило развернуться к ней спиной, даже с закрытыми глазами складывалось ощущение встречи со вспышкой сверхновой звезды. Единственное, что оставалось, безальтернативно играть в жмурки, стоя лицом ко входу. «Или присесть?» — ни с того ни с сего Илью начало клонить в сон. Сперва ненавязчиво. Но затем, раз за разом усиливая эффект, накатывала новая и более сильная волна расслабления. Лавинообразно. Неотвратно. Стремительно наполняя негой.

Едва успев скинуть обувь, стянуть модные портки и выстроить из джинсов на полу подобие гнезда при помощи ног,

Илья вдруг понял, сейчас вырубится. Оставалось только мягко опуститься, обращаясь в асану лотоса. Что и было сделано. А дальше свет внезапно погас, но это почему-то не удивило, да и не могло. Просто не успело. Беспробудный криогенный ступор поглотил и сознание, и тело, заботливо оберегая внутренний мир от внешнего.

Аудиозапись допроса ставила под сомнение всю линию обоснования обвинения. А в плане версий для разработки и вовсе упирала в тупик. Но это только в случае подлинности показаний, которые навскидку напоминали детский лепет. А у капитана Прозорова после неоднократного прослушивания сложилось схожее с руководителем группы впечатление. И вывод – клиента обработали. В противном случае вырисовывалась невероятная до абсурдности картина. У них двое Громовых. Один якобы отпускник-фронтовик, не при делах. Другой, вероятный член резидентуры: либо завербованный, либо пробуждённый, после спячки; единственная ниточка для распутывания ряда легендированных клубков, связанных с Корнеевым, пропавшим без вести, по причине, которую до подчинённых не довели. Однако, судя по отдельным поручениям, отрабатывали по линии связей с иностранной агентурой.

И теперь, сидя в одном из кабинетов цокольного этажа, без окон, Роман в задумчивости смотрел на экран стационарного компьютера. Завтра требуется полностью расчехлить

фигуранта на предмет фальсификации заявленного... На ум не приходило ни одно приличное слова, кроме одного, фуфло. И скоро выяснится, с какой целью.

В дверь вдруг постучали, и на пороге возник рослый мужской силуэт в белом халате, бритый наголо, с лицом, смахивающим на бульдога.

— Рома, где борщ? — колючий взгляд уставился на, сидящего напротив за столом, коллегу по сводной бригаде.

— Думаю, по дороге к дому, Саныч. С полчаса, как растались.

«Борщом» называли подполковника Сосновского. Такое погоняло или псевдоним тот получил отчасти из-за фамилии. Сокращённо от «борщевик Сосновского», который своими громадными плантациями из зонтиков заполонил природный ландшафт. Местами просто сплошняком. И с которым невероятно сложно справиться. Да ещё и опасно приближаться. Даже если не прикасаться, может выстрелить семенами и наградить кожу фототоксином, порождая солнечные ожоги. И вот, за некоторые перегибы в избрании методов противодействия противнику и непреклонность в поведении, выбор пал на подпольную кличку Борщ. То есть, слегка переборщить, это норма. А его методы борьбы и с криминалом, и с проблемами у ближайшего окружения иногда носили весьма курьёзный характер. Например, Борщ давал консультации, если требовалось без излишней траты времени разговорить объект. В частности, куда надо приладить обыч-

ную батарейку, чтобы через минуту уже получить чистосердечное признание. Или касательно защиты, от несчастных случаев, маньяков, и прочих неприятностей.

Все более-менее цивилизованные люди знали, что такое экзотический фрукт дуриан. С такой же экзотической вонью. Брррр. И этот самый дуриан, как и остальные невинные ароматы просто амброзия, по сравнению с гадостью, что в домашних условиях готовил Борщ. И запросто помогал любому, кто обращался за модифицированным рецептом, от Сосновского. Получалось биологическое оружие, любого вывернет наизнанку, с гарантией. Даже собаки, при их склонности к разного рода тухлятине, воротили морды, лишь почуяв тонкий след данного коктейля. А как применить, зависело от ситуации. И Борщ, естественно, подробно инструктировал, чтобы эффективность и простота в использовании, независимо от стрессовой составляющей, была близка к стопроцентной. Люди ведь теряются от неожиданности. Одной из знакомых, таким образом, его консультация сохранила либо жизнь, либо честь. И пока перемазанных полоскало, обоих, жертва сумела улизнуть, хотя саму тоже мутило. Лучше испачкаться и отбить желание приставать, чем лежать в морге или тратить время на врачей.

Меж тем местный доктор сделал шаг назад и пробурчал: «Скверно, — затем поглядел, уже задумчиво, на оперативника и предложил: — Пойдём-ка, прогуляемся. Есть тема».

Гулять пришлось не долго, до соседнего кабинета, что

располагались в противоположном крыле от камер обработки клиентуры. Новое обиталище представляло собой лабораторию, начинённую под завязку и стеллажами, и мониторами, которых было аж шестнадцать штук. И все на одной стене, в два уровня.

— Я не понял, Саныч, — гость уставился на один из экранов.

— А я-то как не понял, веришь? — доктор устало вздохнул и присел в кресло, а затем указал рукой на соседнее.

— Какое тут рассиживаться, у нас задача...

— Остынь, — хозяин привстал и усадил коллегу. — Рома, как ты считаешь, я хоть чуть-чуть разбираюсь в медицине? Или может, нуждаюсь в твоей консультации?

— Саныч, брось, — Роман скривился. — Твоя профпригодность не оговаривается, по определению. Объясни, что тут за брахман у нас? — он повёл головой в сторону изображения, из ослепительной комнаты.

— Понимаешь, в чём цымус данной ситуации, он не живой, не мёртвый, — теперь актёрское мастерство продемонстрировал врач, рисуя растерянность. — Вот смотри, звуковую пушку заваливаем за сотню децибел, допустим, инфра-диапазон на девять герц, — оператор-медик демонстративно выставил характеристики и запустил генератор. — И ничего, видишь. Если бы колебания ловушками с интерференцией и покрытиями не гасились, мы бы с ума здесь все сошли. Заценим восемь герц. Ниже, рискованно, порог аль-

фа, естественные ритмы, за органы боюсь. Вот, найди отличия. Ему хоть бы хны. Но это пустячок-пяточок. Я его осматривал, тело держит осанку, а рефлексy отсутствуют. Стимуляторами накачал, бульончик будь здоров. И всё как об стенку... — доктор замолчал и прикрыл глаза.

— И что докладывать?

— Котлетку ещё одну, в тарелку, Рома, — Павел Александрович откинулся на спинку, не открывая глаз.

— А кроме шуток? Мне по-любому Сосновского в курс надо поставить. Экстренно. А он, ну такое...

— Формально, мы приказ конечно не выполнили, — рассуждал лекарь-вероотступник. — Но, поскольку особо критические меры воздействия под запретом, то и спрос невелик. Сам наберу и пообщаюсь. Мы давно в связке. С ним действительно надо уметь... — Саныч протёр глаза и зевнул. — Кое-что расскажу. Единственное слабое место Борщ отправил авиапочтой к предкам пару лет назад. Причину толком никто не знает, может, уличил в чём-то. Но, скорей всего, заманала со своим здоровым питанием. А когда самой стало скучно, Сосновская начала ребёнка вовлекать в секту травоядных. Борщ ей, иди сюда, посадил за компьютер, и говорит, а ты в курсе, что вегетарианство это психическое заболевание. Та в позу. Он ей, «на!». И выкладывает целый труд на тему убогой стороны развития. Многие аргументы и факты он, кстати, от меня почерпнул. Ты вот упоминал брахманов. А они, на минуточку, вегетарианцы. И из-за этого,

исходя из практики, в боевой авиации, как противник, полноценный ручной тормоз. Поскольку отрезок времени реакции, при нейронном обмене, в отсутствии гемового железа в рационе, увеличивается.

— Саныч, я в терминах не силён, попроще можно? — Роман улыбнулся.

— Проще некуда. Без куска мяса на сковородке, ты ни разу не атлет, не боец и не охотник, грубо говоря. Да и коровушки наши не дуры мяса пожрать, вместе с травой столько животного белка своими языками сметают. Жучки-червячки, слизнячки, вкуснотень ведь. И молоко у Бурёнок, летом, совсем другой продукт.

В общем, у нас дети в одной команде, киберспортсмены, бляха-муха. И пусть там, по большей части, кибернервы играют, а не спортсмены, однако это не отменяет спортивного принципа. Скорее, усугубляет эти самые «быстрее, выше, сильнее». Вроде убедил её, но ты же знаешь, бабы... Не судьба нам с ними ужиться.

Ребёнка Борщ оставил у себя, прикинь. Им сейчас по четырнадцать, самая олигофрения в периоде. А у него, как по струнке, и добровольно. Я ему, поделись-ка, Макаренко, своими методами. В ответ, никаких особенностей. Лишь одно условие: каждый день план мероприятий мне на стол. Скроешь событие или без причины поменяешь план, ты мне не сын, а чёрт. И вылетишь к чёртовой матери первым же рейсом...

— То есть в плане, допустим, устроить тусовку и упороться, тоже на утверждение в штаб Гестапо?

— Не поверишь, пройденный этап, — доктор широко улыбнулся. — На прошлую днюху своего Никитки Борщ всей компании подростков строго-настрого запретил что-либо употреблять. Но. Купленное на стороне. Вывез всех на дачу, намешал там какую-то бурду на всю ораву и... И выспались потом. Я когда об этом узнал, сразу на разборки, говорю, «ты что, демон, творишь?». А он мне: спокойно, всё натуральное, знал, что делал. После чего отдаёт маленький пакетик с зиплоком и комментирует: здесь волосы в слюне, если найдёшь хоть малейший намёк на нелегальные продукты распада, съем свою фуражку...

— Я так понимаю, не обнаружил?

— Не то что бы совсем. Следы не запрещённых соединений, так скажем, — доктор посмотрел на медитативное изваяние, словно проверяя, не убёг ли, и продолжил: — Нет, процесс воспитания лишним элементом он не считает. Но в принципе не тиранит, иногда переубеждает. Со своим-то я дедовским методом предпочитаю. Мой шалопай не даёт расслабиться и Никиту на подвиги подбивает. Вот недавно отпрыски в очередной раз отмочили, стащили мелочь какую-то в гипермаркете. На спор, как обычно. И Никита, в расплату, был заперт в комнате один на один с КоАП и УПК РФ³, и не

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

вышел пока от корки до корки не прочёл на диктофон. Без передышки, сна и отдыха. По принципу: надавишь на массу или прервёшься, начнёшь заново. Не заснул. Но это была лишь разминка. Весь последующий месяц, в качестве досуга сын слушал своё же аудио, для профилактики. Кстати сам диктофон валялся в банке, прислоненной к стене смежной комнаты. И писал по вибрации, чтобы сынок не мухлевал. Метод известный. Такой вот у нас папа-Борщ.

— Куда клонишь?

— Ко сну, Роман Сергеич, к нему, родненькому. С пациентом разбираться бессмысленно, пусть там поскучает, — медик демонстративно погасил светопредставление: сначала в камере, потом на мониторе, а затем и сам пульт отправился отдыхать. Всем, спасибо, все свободны.

Следующее утро началось с имитации бурной деятельности, под знаменем всеобщего «ЧП». Сосновский прибыл на цокольный этаж служебного корпуса уже в семь утра. И первым делом сунулся в лабораторию. Его конечно там ждали, напряжённые лица и фигуры в составе из четырёх сотрудников. Вторым делом стало обозрение уникама, который, не поменяв положения, сидел в своём джинсовом «гнезде». С нейтральным выражением лица, как забальзамированный. Да ещё и с приоткрытыми «оловянными» глазами.

Борщ с озадаченным видом занял позицию в дверном проёме, почти по центру, сбоку пристроился Плещеев Пал

Саныч, остальные просто ждали дальнейших указаний.

— Ты уверяешь, это безобразие без чьей-либо помощи?
— Борщ покосился на доктора.

— Клянусь, Руслан Григорьевич, — вновь утвердил эксперт, — не успел приступить. Только постфактум кое-что попробовал, скажем так, не безобидное. Но в меру. В общем, без толку.

— А вы что скажете? — руководитель запросил комментарий у остальных, само собой разумеется, тоном, дескать, «только попробуйте не откровенно».

— Добавить нечего, — Прозоров, на правах старшего опергруппы, решил отвечать за всех. — Гиз... Виноват, капитан Байрамов с лейтенантом Старчаком его пальцем не трогали. Есть видео по всему маршруту следования. И дальше без инцидентов, проверил лично.

— Так-так, Роман Сергеич, значит лично. Уверены?

— Так точно. Можете убедиться, отчёт для вас подготовлен. С подробными рапортами от каждого сотрудника.

— Тогда диспозиция следующая, — принялся оглашать краткий вердикт Борщ, — капитан Прозоров...!

Сосновский оперативно раскидал поручения, после чего остался в обществе приятеля и заговорил по-свойски:

— Паш, не в курсе, может, Меркурий нынче в ретрограде...? Чтобы вот так вот, без причинно-следственной связи и такой трюк.

— Пересматривал миллион раз. Покадрово, Русь. Закры-

ли дверь, стянул штаны, принял позу, частично окоченел. Всё. По энцефалограмме, без активности. По кардиограмме, преимущественно фибрилляция, противоестественная. Периодически асистолия.

— А глаза?

— Очередной нонсенс, — доктор, по совместительству эксперт-криминалист, прикрыл изваянию глаза, через секунду те вновь приоткрылись. — Не понимаю ни хера, — медик коснулся плеча собеседника. — Пойдём в мои владения, перекусим.

Положение складывалось ахово-патовое. Пока суд, да дело, за приёмом пищи и последующими размышлениями, Борщ пришёл к единственному выводу. Громова ведь чему-то обучали в его закрытом альма-матер. Он может владеть спецтехниками, позволяющими погружать организм в подобное состояние, чтобы избежать опасности вербовки и прочих неприятностей. Только это обстоятельство ничего продуктивного не предлагает. Кроме проблем. Доложи он сейчас о подобной ситуации наверх, по головке не погладят. А к обеду необходим первичный результат, в управлении в курсе дела. То есть, на их взгляд, успешного развития. По факту, проваленной разработки. А у Борща неофициальный статус кризис-менеджера. Ещё и Овчаров прицепится. Не понятно как к нему информация просочилась. Угрозило же на ровном месте так в лужу сесть. Вчерашнее предчувствие, как знамение надвигающегося катаклизма, не обману-

ло.

На данный момент в распоряжении Сосновского тень Громова, которая хранится в боксе. В качестве экспоната. Утверждающего, пока не стал подсолнухом на грядке, мол, вы меня с кем-то путаете. Если не блеф, то существует ещё и подставной Громов. Который из них дип фейк, здесь без сюрпризов. Пальцы коматозника идентичны образцам из личного дела.

Откуда и для чего Корнеев, исчезнувший по причине не подлежащей огласке, приволок фальшивого двойника? Из-за комбинаций с которым, Мякишев и Мамедов с невестой, как в воду канули. И куда все потерялись? До сих пор не известно. Троекратный трындец. По показаниям сотрудников, приближённых и причастных к этим странным поездкам и сопутствующим событиям, полная несуразица. И, кроме показаний, никаких документальных подтверждений. Все цифровые данные, связанные с текущим делом, были удалены с серверов конторы Корнеева, бесследно. Ни Третьяков, ни Трофимов к этому руку не прикладывали. Их отработали и просветили со всех сторон, да им и не выгодно кого-то выгораживать. Пострашали для порядка.

А дальше и вовсе фантастический триллер. За парковкой автопоездов, куда предположительно скрылись все фигуранты расследования, действительно начинался тракт. Только не корыто. А утрамбованная лесная дорога, которая упиралась в болото. Бессмыслица. Авиаразведку начали прово-

дить, тщательно, по квадратам. И несколько раз пилоты то теряли концентрацию, чуть ли не до крушения доходило, то отказ электроники, то сваливало. Беспилотники, те просто пропадали с радаров. Айтишники со спутника пробовали вычислить, не вышло. Ко всему прочему, что ищем, никто толком не понимал. Какой-то фрактал. Руководство в итоге зарубило операцию, поиски свернули, стало жалко средств. Бюджет не резиновый.

Точные координаты объекта, если тот существовал, также канули в Лету. По показаниям Трофимова отправной точкой можно считать Артёма Агеева, таинственной фигуры, что пропала незадолго до событий. Геопозиция прислана через него, впрочем, задание установить этот факт, штатный айтишник получил от Корнеева. А был ли мальчик? Тут следовало обмозговать версию, хоть на первый взгляд и притянутую за уши, «а были ли мальчики?». Если допустить, что фирма – ширма. Можно и допустить сговор, с целью свалить на левых персонажей все закулисные игры, дабы всё сошлось на актёре, которого позднее просто грохнули и похоронили. Как и смысл самих операций. Таким образом, на псевдо-Агееве с псевдо-Грозовым замыкается круг загадок, и концы в воду.

Единственный, кто остался, Еремеев. Однако, кроме косвенных данных, которые не пролили свет на всю эту историю, ничего полезного из него также не выудили. Нашли лишь машину Корнеева без бампера: на огороженной терри-

тории; в гаражном боксе, с пустующим подвалом и каморкой с голыми стенами. А что до здания в Зеленограде, по странной причине приказали не соваться. Интересы какой-то именитой семьи были важнее государственных. Причём гораздо, ибо близких Корнеева отдали практически на растерзание, несмотря на весомый статус тестя. И судя по материалам разработки, ни семья супруги, ни родители самого Корнеева к мутным делишкам были непричастны. Слишком пострадали, такое не наиграешь.

Оставалась текучка, сбор информации, проверка невероятного, как и все события, алиби. А там, как говорится, будем посмотреть. В крайнем случае, придётся состряпать липовый план мероприятий и подменить провал успешным докладом. И склонить к сотрудничеству Трофимова с Третьяковым на предмет версии «а были ли мальчики?», заморозив дело, на неопределённое время. На тормозах многое спускалось. И способность маневрировать в сложных условиях, выручающая по жизни, не раз это подтверждала. Если в группу не внедрили стукача, не всё потеряно.

И Сосновский, располагаясь уже на втором этаже, после дежурных набросков изучал и сверял по новой, что стыкуется, а что не стыкуется в сложившихся обстоятельствах. «А это кстати», — он поглядел на экран смартфона, что отобразил входящий вызов от гонцов; двух капитанов, Прозорова с Байрамовым, которые были отправлены на разведку.

— Докладываю, товарищ подполковник, — начал стар-

ший, — съехали с трассы на ответвление. И через километр упёрлись в КПП. Тут появились два тяжёлых... Виноват, пехотинцы в броне, экипированные. Без знаков различия, только шевроны с эмблемой, раньше не встречал. Пробовал вылезти, объяснить. Ничего не вышло, те встали наизготовку, в приказном тоне потребовали сесть в машину. Сфотографировали номера. Какие наши действия?

— Вы донесли, с кем имеют дело?

— В этом-то и суть. Им, похоже, без разницы. Здесь ещё и коптер над нами завис... Виноват, — докладчик взял паузу секунд на десять, а затем выдал: — Сигналят, мол, разворачивайтесь и, скатертью дорога.

— Координаты?

— Старчак по геолокации и видео нас ведёт.

— Поблизости где-нибудь припаркуйтесь. Конец связи.

«Чудны дела твои, Господи», — поразился Борщ и вызвал Старчака.

Через минуту тот уже прибыл и вытянулся по стойке смирно.

— Сергей, вольно. Адрес пробивали?

— Так точно. Частное владение, принадлежит юридическому лицу. Но не самостоятельному, на балансе другого юрика, если точнее. Следы ведут в структуру крупного холдинга, не напрямую. Мутная история. В базе очень скудная информация. Причину не устанавливал, решили, на месте все детали выяснять, коллегиально.

— Чего-чего, коллегиально? Да вы сговорились, что ли, тупить тут у меня, коллегиально?! — Сосновский привстал. — Ты, техническое сопровождение, обо всех особенностях и странностях обязан докладывать. Почему в коллегии руководитель отсутствует?

— Виноват. Не придавал значения, — прозвучало покорно.

— Конгениально! — Борщ присел. — Свободен. Висишь на волоске от выговора с занесением в личное дело.

Когда молодой и нерадивый подчинённый вышел за дверь, раздосадованный потерей времени на ровном месте начальник сразу же связался с вышестоящим руководством. Теперь уже точно понимая, требуется срочно отмазаться от визита в управление. Дескать, непредвиденные трудности. Кредит доверия позволял некоторые вольности. И, отец-командир, генерал Лазарев, поначалу особо не вникая в суть, отстранённо поинтересовался, может, чем помочь. Сосновский уцепился, сам бы о двух одолжениях кряду просить не осмелился. И поделился камнем преткновения: «Не пускают на место оперативно-розыскных мероприятий, невежи, какие-то барыги под названием «Альянс плюс». Распоясались совсем. Может, их стоит приструнить?»

Лазарев чуть не поперхнулся, после чего резко сменил тон. Мол, ты неразумный не понимаешь, с кем собрался конфликтовать, и близко не подходи. Однако после аргументации, дескать, напрямую связано с разработкой Громова, намекнул: «Альянс, которая лишь видимая часть айсберга,

интересы небезызвестных бонз Амирхановых». Следующее звено в цепи, стоящее за ними, в представлении не нуждалось. Беспределом, только легализованным, пахнуло сразу. В итоге, Лазарев приказал не дёргаться, попробует договориться о содействии. Оставалось только ждать.

Благородное семейство или клан Амирхановых также в представлении не нуждались. Область их интересов была настолько разнообразной, что затрагивала не только верхние слои бенефициаров, из числа госструктур и элиты. Коими являлись и сами. Словно щупальца гидры, их влияние проникало во многие сферы и закоулки формальной и теневой экономик. Включая «контрабанду», поскольку позиции на международной арене были подкреплены родственными связями. А их генеалогическое древо распустило листики на всех континентах, и во власть имущих кругах соответственно. Разумеется, фамилия Амирхановых не представляла собой весь исполинский баобаб, а удачно привилась, по пути. Не особо давно, по временным меркам. Но тесно. И сам род, не только Амирхановых и не только княжеский, древний в своей родословной, разбавляли ветви высшей европейской аристократии. Можно только представить, какой банк голубых кровей хранила история, если учесть истоки, со времени сотворения первенцев: праотцами и праматерями, в брачных узах преданий старины глубокой.

Авторитет и поддержка таким образом имели убойный рейтинг по эффективности. И в неофициальных кругах. К

ним обращались, бывало, даже в случаях затруднений при урегулировании межэтнических конфликтов между диаспорами, коих расплодилось приличное количество. Включая тюремные джамааты. Переоценить вес семейства, проросшего и имеющего своих представителей практически везде, было сложно. А недооценивать опасно. И Сосновский терпеливо ждал весточки от Игоря Анатольевича, который слыл неплохим дипломатом. И носил прозвище «переводчик», поскольку «стрелочник», которое больше соответствовало, было оскорбительным. И не прижилось. Не то чтобы подобный моветон в высшем руководстве спецслужб не приветствовался. Всякое случалось. Однако Лазарев, хоть и генерал структур собственной безопасности, по характеру не был подлецом. И в стратегии лавирования обходился без гнильцы. Во всяком случае, старался.

В результате ждать пришлось всего полчаса. Bravo! И Сосновский, которому благосклонно предоставили связь в виде телефонного номера, передал данные своих опричников анонимному абоненту. После чего преспокойно уехал, заниматься текущим делопроизводством. Ведь такими темпами, сегодняшнего, во всех отношениях двуликого, ануса, скоро ещё с десятков висяков начнёт корячиться. Если запустить.

А незадачливые два капитана меж тем двигались утолять нервный голод. Чувствуя себя не представителями власти, а словно зондеркоманда, которую засекли пограничники и

пинками выпроводили вон. Это нисколько не сгущая краски. Поскольку, как только они отъехали от КПП и решили дислоцироваться поблизости, их настигла группа быстрого реагирования. Увидев машину службистов на обочине, джип охраны остановился сзади. Затем оттуда выскочили двое киборгов и недвусмысленно дали понять: либо подобру-поздорову, либо без оных, но в том же самом направлении. Пришлось подчиниться.

И вот капитан Байрамов, не соответствуя присказке про идеал, «горячее сердце, но холодная голова», тихонько бранился по-басурмански: «Уууу, шайтан...»

— Гиз, мы их всё равно не ушатали бы. Четыре бойца, — охлаждая боевой пыл, приговаривал партнёр по унижению чести и достоинства. — Сейчас заправимся, а там и Борщ что-нибудь придумает. Накажем.

— Мы при исполнении, копать мою тюбетейку, — пробухтел Тенгиз сквозь зубы.

— Тюрбан тебе больше подойдёт, — Роман ткнул товарища в плечо. — Тут по карте кебаб халяльный неподалёку. Заедем, заедем. Бараньи яйца там, конечно не подают, но курицу надыбать, думаю, легко...

Тот с угрюмым видом никак не отреагировал. Но по дороге немного отошёл и принялся предварительно изучать меню точки питания, на сайте, где предстояло заедать оскорбления. И опять не судьба. Вернее, такова офицерская доля: приказали, полетел. А поводом послужило сообщение в мес-

сенджер, от тирана не менее могущественного, чем те, кто их выдворил. И, судя по содержанию, вопрос решён.

«Борщ к нам в поддержку эксперта направил. Так что Борменталь тоже скоро присоединится», — Прозоров заложил разворот и помчался обратно.

Раздавать вторые имена было принято в том числе для разнообразия. Так веселее. Но основная причина безусловно в другом. Псевдоним практически всегда отражал суть, так сказать, характерные черты сотрудника. Борменталем, разумеется, называли Павла Александровича Плещеева, потомственного эскулапа, а по совместительству ещё и биоинженера. К Прозорову, из-за жёсткой позиции в служебных расследованиях, прицепилось прозвище «Инквизитор». А вот Байрамов являлся исключением, на первый взгляд, получив национальный идентификатор «Кочевник». Если бы ни его постоянная неусидчивость. Про таких говорят шепотной. Впрочем, эта черта играла часто положительную роль, поскольку использовалась применительно к рабочим моментам. Оказалось, Кочевник не знает значения слова «переутомиться» — полезное качество, когда требуется переутомить противника. А в данной ситуации, которая сложилась буквально минуты назад, неутомимое желание поквитаться разгорелось с новой силой. Байрамов начал улыбаться. Так с улыбкой и доехал. До новой порции испытания на терпение, с разочарованием. А когда на КПП они вновь очутились под стволами, противник, поскольку именно такое отноше-

ние укоренилось в сердцах контрразведчиков, не прекратил быковать.

Оперативникам предложили прикинуться ветошью и не отвечивать, в небольшом закутке рядом с дорогой, где ждать дальнейших распоряжений. Когда же к ним присоединилось неприметное авто Плещеева, всех попросили проследовать в дежурку, с вещами необходимыми для плана мероприятий. А там опять, продолжение испытания: сдача оружия, средств связи, досмотр под видео и прочие прелести, как при переходе государственной границы.

Вскоре трио оскорблённых, но не сломленных товарища уже грузилось в казённый джип охраны. Кочевник, насупившись, плюхнулся на переднее сиденье и уставился в окно. Двое других сели сзади и всю дорогу перешёптывались о чём-то.

По итогу, команда, укатив так далеко, что лишилась понимания, куда их везут, поинтересовалась о расстоянии. В ответ прозвучало: «Скоро будем». И они действительно скоро прибыли. И провели незабываемое время, в причудливом заповедном уголке, без буераков, созданном в такой Тмутаракани не понятно для чего.

Свёрстанный предварительно, план ОРМ⁴, как водится, пошёл по одному месту. На саму территорию, где предположительно проводил время объект разработки, группу не пу-

⁴ Оперативно-розыскные мероприятия.

стили. Однако, не солоно хлебавши, оперативников тоже не оставили, предложив достаточное количество информации для анализа и последующих мероприятий.

Худшая доля досталось Борменталю, который несколько часов ковырялся в мусорных контейнерах, как помойный кот. Поскольку служба клининга провела полную уборку помещений сегодня утром. Повезло или нет, что мусор ещё не вывезли, вопрос спорный. К тому же ничего толком не отсортировано. И Плещеев было попытался приобщить кого-нибудь из товарищей, в помощь. Но Байрамов с прозорливым Прозоровым, заблаговременно просчитали этот момент. И рассредоточились по территории, под благовидными предложениями – оперативная необходимость. Следовало многое разузнать, осмотреться и опросить персонал. Кто на что учился, мол, «давай, Пал Саныч! Своих дел по горло. Местных на подмогу привлекай».

Провозились примерно полдня: пока выяснили все доступные нюансы на прилегающей территории; пока всю ватагу доставили обратно на КПП, вместе с пакетами для различного рода экспертиз; пока вернулись на базу. Справедливости ради, стоит добавить, не в плохом настроении. Природные красоты и красотки, к которым Инквизитор проявил, навскидку, исключительно профессиональный интерес, сделали своё дело.

Группу, естественно, ожидало строгое начальство, в лице Сосновского, с которым связались сразу же, при пер-

вой возможности. И теперь Борщ смолил самокрутку, стоя на крыльце рядом с парковкой, нетерпеливо поглядывая на офицеров. А разговор начался ещё у входа в корпус, с делового вопроса:

— Роман Сергеич, докладывай, что не удалось? — Борщ попутно наблюдал, как эксперт возится с мусорными пакетами, в одиночестве. — Нет, отставить! Пал Саныч у нас изгой, что ли, не пойму?

— Никак нет! — Прозоров глянул на товарища и тот, резко развернувшись, как на плацу, отправился обратно к машине.

— Излагай, — кивнул командир. — Я так понял, не те кучка.

— Ни одной видео-фиксации, ни одного аудио. Только письменные отчёты.

— Резюме, кратко и по существу.

— Руслан Григорьевич... — подчинённый обескуражено замер, — разрешите вопрос?

Командир кивнул, а Роман, с несвойственной экспрессией, выпалил:

— Почему мы с ними так цацкаемся?! О нас ноги практически вытерли.

— Ты меня знаешь, Роман Сергеич, если бы можно было не церемониться... — Сосновский замолчал, пристально рассматривая подчинённого, а затем развернулся к двери. — Ко мне поднимемся. И давай соберись, начинай с чего-ни-

будь.

И они отправились на второй этаж, попутно переваривая событийный конгломерат, который в Прозоровской голове пока полностью не укладывался. И тем не менее тот принял-ся озвучивать:

«Там закрытая территория со своим КПП. За ним трасса, точно длиннее пятидесяти километров, ведёт к частному владению. Где ещё один КПП, на подступах к самой фазенде, прямо у ворот ограждения. Видеонаблюдение пишет всё, что происходит в доме и на участке, двадцать четыре на семь. В закрытом от просмотра режиме. И передаётся по проводному каналу до планеты интернета, а дальше в головной офис безопасников и не только. Где и хранится, в зашифрованном виде. Думаю, последние недели три-четыре, как минимум, на носителях или в облаке зафиксирован каждый шаг нашего фигуранта. При условии правдивости показаний. А поскольку охрана, причём серьёзно вооружённая и с серьёзными псами, а не с дворнягами, к нему ни разу не заявилась, значит была предупреждена о наличии гостей. Он с ними вчера первый раз увиделся, с их слов, когда такси вызывал. Им запрещено появляться на придомовой территории, без веской причины. Строжайше, под угрозой моментально вылететь с работы. А своим местом, которое их мягкое место сытно кормит, они, ох как дорожат.

Там не совсем хижина, а частное представительство. Принадлежит какой-то шишке, без шишки. И её хай-тек рези-

денцию обходят стороной, и исключительно с внешней стороны, по команде извне, на пульт. То есть по виртуальному графику, который постоянно изменяется, бессистемно. Кстати ограду, чтобы преодолеть живым, надо ещё изловчиться. Трупы мелкой животины ребята утилизируют регулярно. Есть всё-таки грешок у них, кое-что разболтали. Профессиональный интерес хоть как-то удовлетворили. С уборкой, доставкой продуктов, такая же ситуация, за всё время с Громовым ни один из трудяг не пересёкся. Там, недалеко от границ, за забором, в полукилометре, для obsługi целый особняк отгрохали, где те и живут. Трудятся вахтовым методом.

Теперь на закуску, не забудем конечно же, дактилоскопию, волосы и потожировые следы, для ДНК-теста. Если бы пошевелились, успели бы до клининга, хотя на территорию нас всё равно бы не пустили. Впрочем, материал наскребли. Наследил ведь, заходил к тамошней obsługi. Можно ещё такси вычислить, если постараться. А так, комплект пальчиков сняли с трубки стационарного телефона и с дверных сенсоров, и с автоматической калитки, в лес. Без отпечатка ни одна дверь не откроется. А его пальцы, судя по данным их сервера, почти месяц как добавлены в пользовательскую базу...»

Тем временем пара служаек добралась до кабинета, разместились, и Сосновский решил уточнить:

— Так кому принадлежит латифундия? Не верю, что ты со своим обаянием не сумел ничего вытащить из персонала.

Там наверняка среди девиц какую-нибудь разговорил.

— Вы прямо провидец, Руслан Григорьевич, — Роман улыбнулся. — Кому принадлежит документально, Старчак вам уже доложил. А вот про хозяйку... вы правы, хоть обслуга там и довольно скупая на комментарии, удалось...

— Давай суть. Проблем с лапидарностью у контрразведчика быть не должно, — перебил намечающийся простран- ный панегирик Борщ.

— Виноват. Тогда лаконично: её имя Жанна де Рё, рыжая, лет двадцати пяти, выше ста семидесяти. Предположительно европейского знатного рода, сказали, графиня.

Информация неприятно стукнула в висок, а следом раздался стук в дверь. И в кабинет, после одобрения, нагрянули остальные члены группы. Первым делом Сосновский поинтересовался:

— Пал Саныч, как там наше бесполезное ископаемое?

— Да как сфинкс, без изменений.

Переварив и сопоставив комплекс информации, начальник внутренне выругался. Опять в тупике. И опять придётся отправиться на поклон к Лазареву. Никакой перспективы, в плане добыть что-либо полезное своими силами, не представлялось возможным.

«На сегодня, Байрамов, Прозоров, свободны! — объявил Сосновский и поглядел на эксперта. — Уж извини, сам понимаешь. Да ты и не заскучаешь, есть чем озаботиться, — затем он смерил взглядом жалкого Старчака, — Сергею от-

дельное поручение, для профилактики, нароешь всё, что сможешь, на гражданок де Рё. Думаю, таких типажей наберётся немного».

Следующим утром рутина целиком и полностью поглотила Сосновского. Поскольку в управлении, куда он прибыл лично, ибо пикантность ситуации требовала тет-а-тет, генерал Лазарев отреагировал на обстоятельства неоднозначно. Без энтузиазма и настороженно. Пришлось всё-таки выложить в приватной беседе: Громов благодаря приобретённым навыкам не позволил осуществить разработку в кратчайшие сроки; очень нужна доказательная база по его причастности, либо непричастности, чтобы развязать руки следствию, хотя бы морально. Лазарев задумчиво вздохнул и до обеда попросил его не беспокоить.

В процессе ожидания и делопроизводства также пришли первые данные от Борменталья. Усугубляя положение. Никакой сенсации: все отобранные на объекте образцы либо соответствовали физическим параметрам узника, либо не имели к делу никакого отношения. Сосновский старался не погружаться в пропадающую ситуацию, работал и ждал чуда, от шефа. И чудо-таки случилось: к полудню видеоархив, доставленный курьером из охранной структуры, да ещё и с общей информацией по интересующей особе оказались на столе. Правда за этим тотчас последовали и проблемы. Поскольку Лазарев передал, что девица, весьма влиятельная,

через адвоката запросила комментарий, «что случилось с гостем?». И требует ответа, аргументировав, что пошла на встречу только при условии обоюдного сотрудничества. Времени на официальный ответ, до завтра. У Сосновского со-
здалось в итоге впечатление, что расследование движется не вперёд, а катится вспять.

Чтобы сократить время, экспертизу взвалили на плечи де-
журных спецов. На качество данное обстоятельство всё равно не влияло. Попутно Борщ ознакомился с дополнительными материалами. И они привели к выводу, что выкрутиться на этот раз будет крайне сложно. Подложные реляции, волокита и отписки, на отшибись, не спасут.

Сводка состояла из двух частей: первая, данные по недви-
жимости; вторая, данные по самой фигуре, что благосклонно предоставила весь этот материал. И вытекало из всего этого винегрета, что Громова прикрывают чуть ли не ядерным зонтиком. Сама резиденция оказалась, каким-то образом легальным, представительством стран Бенилюкса. С нейтральным статусом этих стран большой вопрос, но, похоже, постарались неведомые покровители.

А фигура самого амбассадора доброй воли была не менее примечательной. Жанна де Рё графиня де Лаваль, бретонская аристократка с дипломатическим паспортом имела несколько гражданств, включая Люксембург, что давало ей право официально представлять триаду европейских государств. При отказе попахивало международным скандалом,

если не будет железобетонных улик.

«Послал же бог клиента, — Борщ массировал виски, абсолютно не понимая, как вернуть контроль над плёвым делом, которое поначалу казалось лёгкой прогулкой. — А если дама присовокупит Амирхановых, и те впишутся, на выходе получится капитальный пистохен шванц».

Неожиданно заверещал служебный телефон. Резко сменив внутреннюю тревогу на внешнюю. Обнаружив, что переместился во времени, шёл седьмой час вечера, чекист снял трубку и сипло произнёс: «Сосновский, — затем кашлянул и отчеканил: — у аппарата».

После короткого диалога первым делом Борщ наведася к технарям. Его вызывал Лазарев, но ждал только через полчаса. Наверняка не с гостинцами. Очень требовалась хоть какая-то опора, хоть для какой-нибудь, пусть и паршивой, версии. Но предчувствие, которое редко диссонировало с реальностью, твердило раз за разом: «Кина не будет», — пока Сосновский сосредоточенно шагал по коридору. И эксперты не обрадовали, забили последний гвоздь в крышку гроба, упокоив версию, по которой дежурного подопечного можно подвести под госизмену. А на вопрос о возможности монтажа или фабрикации посмотрели на заказчика круглыми пуговицами глаз, и отвесили убийственный комментарий: «Если все Нобелевские лауреаты по точным наукам и физике соберутся и придумают станцию, способную опери-

ровать числами Райо⁵, это будет легче реализовать, чем сгенерировать предъявленный видеоряд. Такого объёма материала и со столько ракурсов, без малейших намёков на рассинхрон или сбой изображения при раскадровке, им анализировать ещё не доводилось». На прощание спецы распечатали копию отчёта, торжественно вручили прямо в руки и потеряли к посетителю всякий интерес.

С незнакомым чувством подгорающего блюда у пятой точки, Борщ поднялся на начальственный этаж. Не столько страшен гнев командования, сколько отсутствие сиюминутной перспективы для оправдания. Ко всему прочему в кабинете генерала Лазарева подчинённого ожидал следующий сюрприз. И, после одобрения секретаря, Сосновский вскоре предстал пред ясны очи. Аж двоих генералов, судя по лампам второго персонажа, который сидел вполоборота за длинным столом, что стоял перпендикулярно председательскому бюро.

— А вот и наш ответственный за недоразумение, подполковник Сосновский, — первым заговорил Переводчик, представляя вошедшего, вытянутого в струнку. — Который нам сейчас подробным образом, в деталях, доложит о текущем положении дел. Так, Руслан Григорьевич?

— Так точно. Разрешите приступить?

⁵ Одно из самых больших именованных чисел. Является функцией, невычислимой, то есть её невозможно вычислить с помощью машины Тьюринга или любого современного компьютера.

И, с немого согласия, Борщ начал излагать краткий пресс-релиз. Чётко, внятно, последовательно и без прикрас, как перед высшим судом. Но рапортичка, несмотря на её правдивость, а иногда, как известно, лучше солгать, не устроила второго слушателя. Тот, похожий телосложением на Геркулеса, резко поднялся с места и ледяным сверлящим взглядом уставился на докладчика:

— Шаромыжникам у подворотни очки будешь втирать, Сосновский, — Овчаров, а это оказался именно он, отвесив одними губами ещё пару ласковых, поднял руку и, указывая пальцем на виновника событий, предупредил: — Думаешь, я не навёл справки? Мне хорошо известны твоя репутация и методы работы. И на этот раз тебе твой цирк с конями даром с рук не сойдёт. Так что давай, выкладывай чистуху. Как на духу.

— Товарищ генерал, — началось спокойно, но чуть упавшим голосом, — слово офицера.

— Чего-чего? — Овчаров поморщился. — Это ты мне про честь, что ли, современного офицера? Откуда у тебя такой дефицит, из-под полы? Или у коммерсантов разжился, которых ты крышуешь?

— Михалыч, — встрял Лазарев, — не тот случай, — а когда Овчаров переключил внимание на него, продолжил полужёпотом: — Выгораживать не в моих правилах. Уверен, ты в курсе, так скажем, моих симпатий. И многие считают Сосновского моим преемником. А знаешь почему? Да пото-

му что он один из немногих, кто не станет заниматься сумасбродством. И если где и перегибает, кто из нас без греха, отрицать факты или снимать с себя ответственности не будет. Во всяком случае, по моим сведениям, за подобным не замечен. А ты знаешь, какое у нас решето, и как сифонит, слухами и кривотолками.

— Допустим, — Овчаров присел в кресло и вновь обратился к Сосновскому: — У вас, товарищ подполковник, есть на Громова хоть что-нибудь? Кроме подозрений и домыслов?

Борщ хотел было выдвинуть версию по поводу странного прикрытия и второго Громова, но передумал. Или на смех поднимут, или обвинят в непредвзятости, с такой теорией заговора.

— Честно признаться, нет, — Сосновский решил расписываться в собственном бессилии, другого выхода не осталось. — Толковых улик или прямых фактов, противоречащих первичным показаниям, пока не обнаружили.

— Тогда, завтра утром, в девять ноль-ноль, — Овчаров пододвинул к себе отрывной директорский календарь, перевернул страничку и оставил пометку, — Громов должен быть доставлен в это лечебное учреждение, — он обвёл тяжёлым взором присутствующих, по очереди, начиная со старшего по званию. — Если этого не произойдёт...

— А ты не допускаешь мысли, что Громов не тот за кого себя выдаёт? — решил уточнить оппонент.

— Как ты выразился, не тот случай, — гость вздохнул и поднялся: — Короче, завтра в полдень ждите межведомственную проверку. Комиссия уже на низком старте. Проверка это как минимум. Вынудите дёрнуть за ниточки, всей команде твоих сорванцов не позавидую, — напоследок гость, на выходе из кабинета, хлопнул скисшего служаку по плечу и попрощался: — Честь имею! — а затем гулко прикрыл за собой дверь.

После прожарки от смежного начальства, по ощущениям неотличимо от родного, Борщ ожидал следующую волну государственного гнева. Попахивало не только выволочкой, но и выговором. Однако Лазарев, судя по задумчивому виду, распекать горемыку не собирался, а спокойно спросил:

— Откуда протекло, как считаешь? — командир жестом предложил подчинённому занять нагретое генералом место. — Откуда руководство девятки пронюхало?

— Ума не приложу, Игорь Анатольевич. Да ещё и на конфликт... — рассуждения вдруг прервала вибрация личного телефона, Сосновский достал трубу из кармана и обомлел.

— Может, на сегодня достаточно? — оценивая физиономию напротив, пошутил командир.

— Громов в себя пришёл, — вылетело на выдохе. — Всё понимаю, прошу дать мне полчаса, час, прежде чем сообщите...

— Полчаса форы, — подытожил Лазарев. — Работай.

Когда за деревьями не видно леса.

Спокойно служа отечеству, по профилю и в интересах цифровой безопасности, Сергей Старчак привычно прихлёбывал какао, которое просто обожал. Крайнее поручение пришлось ему по вкусу. Сексапильная леди, информацию по которой удалось выловить рыская по правильной сети интернета, немного разбавила неприятный осадок, от взбучки. Рыжая графиня и теперь красовалась на рабочем столе ноутбука, радуя глаз и... остальное лишь в мечтах и только в мечтах. Как вдруг периферическое зрение отправило сигнал мозгу, и в следующий миг оперативник вскочил на ноги и выскочил в коридор. На мониторе, закреплённом на стене чуть сбоку от стола, спокойно натягивал джинсы Илья Андреевич Громов: пока ещё в каземате, но с настежь открытой дверью.

Встретились два нечаянных соседа практически на пороге тюремного пенала. Собираясь реабилитироваться за недавний промах, спринтер-лейтенант с необычайным проворством прибыл к месту возможного побега. И замер, перед также замершим в дверном проёме Ильёй. Будучи спортсменом, но ни ухом, ни рылом не понимающий, кто перед ним, службист грозно приказал: «Зайдите вовнутрь и повернитесь лицом к стене!»

Диверсантов готовят совершенно иначе, чем спортсменов. Молниеносно сблизившись с боком неприятеля, Илья

схватил того за кисть, смяв пальцы в трубочку, согнул противнику запястье и слегка надавил ему в локтевую ямку своим локтем. Этим приёмом роняется любой шкаф. И здесь выполненный за доли секунды манёвр сначала усадил спортсмена на пятую точку, после чего другим отточенным тычком, с удержанием, отправил в страну грёз. Затем Старчак с нежностью был уложен спать, в закутке, куда изначально хотел загнать арестанта. Реабилитация, как и провал номер два, его больше не заботили. А Илья, сам того не планируя, поставил знак препинания в карьере молодого контрразведчика. Вернее, начал ставить, Старчаку просто повезло дебютировать.

Антракт был недолгим. Последовал пронзительный свист, напоминая дельфиний. Охотник таким образом решил заманить очередного селезня в заводь, оставаясь в компании оформленного надсмотрщика. И вскоре отметил групповой топот. Прикидывая тактику.

Ставка на элемент неожиданности, с его навыками, нивелировала численное превосходство. И, улучив момент, он резко вынырнул из засады и громко скомандовал: «Смирно!!». «Вожатый удивился, трамвай остановился». Первым в шоковое состояние угодил Байрамов. Частично защитив собой от ступора капитана Прозорова, который просто пока не вник в суть происходящего, находясь в паре-тройке метров за спиной коллеги. Следом Илья, вновь как пружина, резко сблизился с Кочевником, подхватил того под ногу и рас-

прямил конечность, задрал чуть выше точки комфорта. Заставив балансировать на одной ноге, он слегка разогнал первого, вынуждая вприпрыжку двигаться назад. А в критический момент, сильно толкнул свою «вагонетку». Всё это случилось настолько быстро, что манекены послушно подчинились руководящей силе, неосознанно. И беспрекословно. И полетели, как кегли в боулинге. Страйк!

Прозоров на ногах не удержался, затылок коллеги угодил в лицо, чуть поправив внешность. Шрамы только на пользу. А Илья, тем временем, уставился на копошащегося Байрамова и рывкнул, с улыбкой: «Отставить!! — а когда обескураженные оперативники поднялись на ноги, миролюбиво поставил точку: — Мужики, при всём уважении, вы мне не соперники. Да и я для вас не противник. Хоп?» — и протянул руку.

Борменталь неподвижно стоял поодаль, метрах в пяти, пассивно наблюдая за потасовкой. Лезть не решился. Выгодная и мудрая позиция. А по окончании, в процессе заключения мирового соглашения, просто поинтересовался, где Старчак. И, выяснив обстоятельства, убеждаясь по ходу осмотра пациента, что тот лишь ненадолго уснул, доктор преспокойно удалился. А Илья, ещё раз искренне уверяя, что не шпион, предложил выпить чайку, пока местный управдом добирается до базы. Он был уверен, тому уже доложили об инциденте.

Вскоре группа собралась в столовой. И пришедший в се-

бя злополучный Старчак, и отремонтированный Прозоров, активно участвовали в дискуссии, с предполагаемым врагом народа. Лёд растопили искренняя подача и харизма Ильи. А также обещание накрыть поляну, при случае, в ответ на гостеприимство, когда круговерть закончится.

Темы за чайной церемонией затрагивались разные. Иногда вроде и не стоило некоторые вещи озвучивать, но, тем не менее, разговор принял задушевный характер. Разумеется, без конкретики, в общих чертах, без имён, званий и регалий. И вполне закономерно не удержались от критики. Завуалировано, все соображали, чем может обернуться даже намёк на дискредитацию и неуважение.

— А с грамотеями, которые новое поколение дебилов пестуют? — Илья улыбался, обсасывая гениальные идеи правящего класса. — Мне из штаба армии подруга-секретчица как-то отписывает: Семена вчера посадили. Я ей в шутку: поздравляю, заеду в гости в конце сезона. В смысле, когда урожай созреет. И на этом всё. А семена, если нормально написать, это Семёна. Её брат, оказывается. Обиделась, ёшкин матрёшкин.

— Во всём так. А если ещё и пассионарии, — подтвердил Борменталь, — непременно праздника хочется. А когда его не хватает, начинаем дурковать. Либо буквы изымать, кресты... либо подвижничество очередной безумной идее или фигуре приписывать. Превратить норму в издевательство это норма. Нет середины, не наше это. Не одна край-

ность, так другая.

— Согласен, именно до издевательства, — подключился Старчак. — Сейчас во всех фильмах, в угоду цензуре, неугодную атрибутику спецом размывают или коверкают, ретушируют. Вот картинку мне прислали. Там Мюллер обращается к Штирлицу: «Жалуются на вас, Штирлиц. Курите невидимые сигареты, нашивок не разберёшь. Непорядок». Тот в ответ: «Скажите, спасибо, что всякий раз упоминая Абвер, я не поясняю: организация, запрещённая на территории Российской Федерации». Симулякры на ровном месте штампуют.

— Умеем в мирном русле захлебнуться, от собственных идей, — Прозоров потрогал пластырь на лбу. — Возьмём финансистов наших. Вот ведь мастера, на выдумки и халяву падкие. К примеру, вели мы недавно одного «спонсора», — он многозначительно изобразил кавычки, намекая спонсора чего, — а у того сеть ломбардов и микрофинансовых организаций. И вот прикиньте, через знакомых, за откат естественно, в службе безопасности одной крупной банковской структуры, на паспорта своих клиентов начал кредитки оформлять. Условия ведь сто дней без процентов. То есть, можно снять лимит, а затем через сто дней погасить. Той же суммой, что и брал. Удобно? Конечно. А почему из этого бизнес-модель не сделать? И почему этими деньгами этих же лохов-клиентов не кредитовать, под бешеный процент? На ровном месте, без затрат. Взял на три месяца, прокрутил, и

вернул. А себе любимому, сто процентов выхлоп, с оборота. Ну не Кулибин разве, от мошны, а? Выдоили мы его, в итоге, по всем параметрам. Сейчас спонсирует кого надо, неформально, но исправно, по согласованной схеме. Пятьдесят на пятьдесят, ему и без того жирно...

Внезапно в комнату, без стука, пожаловал хозяин. Сходу оценив ситуацию и оглядев застолье, а также мирно беседующие довольные рожи, Борщ закипел.

«Товарищи офицеры!» — прозвучало меж тем торжественно. Все вскочили, и Илья за компанию. Просверливая глазами каждого, в случайном или только ему ведомом порядке, Сосновский жёстко заявил:

— Что происходит?! Что за откровенные посиделки тут? Вы здесь ещё не побратались, нет? — взгляд упёрся в Прозорова. — Рапорта?

— В электронном виде у вас, товарищ подполковник, письменные в лаборатории, у Плещеева, — отчеканил тот.

— И Громова?

— Так точно, — подтвердил Илья. — Не стал выбиваться из коллектива.

— Так-так. Из коллектива... — Борщ пробуравил Прозорова злыми глазами. — Это профессионально? Ладно, позже, — затем развернулся и отправился на выход, попутно кинув: — Громов, за мной!

Судя по сопящим звукам и раздувающимся ноздрям, вороной конь по кличке Борщ продолжал внутренне бурлить.

И чтобы разрядить обстановку, пока пара шагала до кабинета на второй этаж, Илья решил погасить интенсивность флуктуаций:

— Руслан Григорьевич, разрешите вас так называть?

— Попробуйте, Илья Андреевич, — тот покосился на попутчика. — Только проясните момент для начала, Прозоров, ваша работа?

— Там обоюдка, без взаимных претензий. Лёгкий экспромт. И убедительная просьба, не карать ребят и не отправлять на живодёрню за наш междусобойчик. Говорили ни о чём, просто время коротали.

— Ну-ну, для сексота всегда всё просто. И измена, за чайком с пряниками. — съязвил Сосновский. — Или с рыжей профурсеткой, которая по всем флангам прикрывает. Вместе с патроном вашим. Тоже станете отнекиваться? Не причастны?

Меж тем они зашли в кабинет, разместились, и Сосновский, на правах гегемона, продолжил:

— Безусловно, вы всё отлично рассчитали. С таким щитом мне бодаться безвыигрышно. Плетью обуха не перешибёшь, — он замолчал и вопросительно уставился на собеседника.

— Откровенно признаться, пусть я и дока, в некотором отношении, но для самого загадка. Специальных усилий не прикладывал.

— Ну это понятно, что не прикладывал. Только вот у бо-

евого офицера Громова татуировка на запястье, — Сосновский осклабился, — и на плече. Станете утверждать, что свели. Бесследно?

— Не самая сложная процедура, — спокойно ответил Илья и улыбнулся.

— Недооценил я вас, вынужден признать. Но я умею ждать и делать выводы, — Сосновский поднялся и с расстановкой заговорил: — Последний шанс. Упустите, обратной дороги не будет. А будете сотрудничать, сумею позаботиться и о законности, в нужном русле. И правильное правоприменение гарантирую. Без нужды дышло в вашу сторону не повернётся. Заметьте, такими щедрыми предложениями не привык разбрасываться. Не пренебрегайте.

В ответ Илья лишь пожал плечами: «Добавить нечего».

«Раз добавить нечего, пеняйте на себя. Через пятнадцать минут за вами, вероятно, придёт машина. Поскучайте пока на крылечке, — Сосновский жестом указал на дверь. — Больше не задерживаю».

Когда Громов покинул кабинет, Борщ первым делом изучил рапорты и ознакомился с видеозаписями, с камер наблюдения. Отмечая, как задержанный лихо владеет рукопашным боем. Также отмечая, что в наследство достались одни информационные загадки и нестыковки. Внезапно в дверь постучали, и в проёме возник Плещеев: «Русь, есть разговор. Тебе будет любопытно».

После разговора, который добавил ещё пищи для раз-

мышления, приятели спустились вниз, где начальник сурово огласил приговор: «Хоть ваш кент, Громов, с которым вы успели скорешиться, и просил никого не казнить, вы меня крайне разочаровали. Старчак, выговор, как и обещал, завтра утром явишься в управление. Прозоров, Байрамов, с удовольствием отправил бы вас на утилизацию, в профессиональном качестве. И в дальнейшем цена вашей ошибки будет сопоставима. На завтра: Третьякова, Трофимова доставить ко мне, к двенадцати ноль-ноль. Все свободны».

Транспорт для Ильи подали действительно через пятнадцать минут. Прямо к крыльцу подлетела иномарка, в тонировке, с чёрными номерными знаками, что означало принадлежность к Министерству Обороны. И Илья с прискорбием отметил, эпопея с его участием не закончилась, а перетекает в иную фазу.

Ехали минут сорок, а поскольку в данном регионе ничего не было знакомым, оставалось расслабиться и спокойно смотреть в окошко. Так и докатили, в тишине, до очередного закрытого посёлка, с внушительными земными наделами и богатой инфраструктурой. А когда машина плавно зарулила через открытые заранее автоматические ворота и неторопливо покатила по ухоженной парковой зоне, стало понятно, вряд ли очередной зиндан. Вскоре Илья точно удостоверился, неприятности не угрожают, и с удивлением принялся осматривать роскошные обводы особняка. Трёхэтажный

шедевр, с портиком, с открытой колонной галереей выглядел потрясающе.

Автомобиль тем временем остановился у парадного входа крытой колоннады, и водитель первый раз за всё время вымолвил: «Прибыли на место». А Илья, покинув салон и подойдя к двери, замер. Не то чтобы не решался войти, скорее озадачился происходящим. Дверь отворилась сама. И следом глубокий бас весело вымолвил:

— Ты чего так вырядился, пижон? Для форсу?

Оглядев здоровяка, самую малость обрюзгшего, Илья улыбнулся:

— Да сам не знаю, Вадим Михалыч. В спешке собирался, да и гардероб дома своеобразный. Пришлось ковбойский прикид напялить.

— Рад тебя видеть, — Овчаров протянул руку.

— Неожиданно, — Илья поздоровался, — удивили, в хорошем смысле.

— Это только начало. Ты голоден?

Илья отрицательно покачал головой.

— Тогда попаримся и поговорим заодно. Прошу.

Интерьер внутри имел соответствующий шик, как и фасад. А прямо в зале, за дверями, пара радушных знакомых вдруг наткнулась на экстравагантно одетую молодую девушку.

— Лика, поздоровайся с гостем, — пробасил хозяин.

— Здравсьте, гость, — девушка криво улыбнулась.

— Хай, — Илья бегло оценил, кричаще безвкусный, аля-

поватый образ и хмыкнул.

— Повежливей, дочь, — Овчаров нахмурился и потянул Илью за локоть, проследовать дальше, без комментариев.

Вскоре, будучи в парилке, несколько разомлев, наполовину старые, но не дряхлые сослуживцы продолжили разговоры по душам. Овчаров, в будёновке, выглядел чуть комично и вызывал невольную улыбку. И Илья старался поменьше заострять на нём внимание, сидел с полуприкрытыми глазами и кайфовал.

— Буду краток, — по-деловому заговорил хозяин, сменив тему воспоминаний о былом, — я хочу, чтобы ты служил в моём аппарате. Сразу получишь капитана, через год майора и на полковничью должность. Об академии позабочусь, это пустяки. Хоть завтра всё решим.

— Эх, товарищ генерал, — Илья благодушно вздохнул, удивляясь, как настойчиво пытаются загарпунить его свободу. — Как представляю снова эту кухню, возню, конъюнктуру и прочее... Даже сейчас, мы с вами сидим, как люди, пусть и не обычные. А надену погоны, совсем другое дело: субординация, подспудно сдерживаться, уже не пооткровенничаешь. Устал я.

— Да брось. Где ты, а где — устал?

— Это не физическое, а критическое восприятие. Без куража и отдачи, какой из меня сотрудник?

— Всё равно подумай. Не забудь, то что ты сейчас на свободе, счастливое совпадение. А вольёшься в контору, все во-

просы отпадут. Сосновский тот ещё фрукт, жди подляны, как пить дать.

— Разберусь. Кстати, а откуда к вам информация обо мне просочилась?

— На почту сообщение пришло, анонимно. Проверили, адрес левый. Однако там моё армейское прозвище было указано, поэтому и запросил данные. Как вы меня тогда припечатали! — Овчаров засмеялся.

— Дураки молодые, вы не серчайте уж. Но раз на то пошло, наверняка и повод для моего задержания вам известен. Не поделитесь?

— Дочку мою видел? — неожиданно сменил тему генерал.

— Обычная девчонка, со своими загонами. Повзрослеет, устаканится, со временем.

— Баш на баш. Ты помогаешь решить проблему мне, я тебе. Чем смогу. У меня всё-таки, ФСО, девятое управление, а дело в контрразведке ФСБ.

— Слушаю внимательно.

— Анжелика, моя младшая. Пока супруга была жива, никаких проблем, — Овчаров вздохнул. — Зелёный змий, пала. Мы-то с ним ещё справляемся, а у женщин... сгорела за год... у меня ведь служба, сам понимаешь. Сдал её один раз, второй, в лечебницу. А потом, наглоталась таблеток, откачать не успели. И с тех пор дочь как подменили. Мстит мне, наверное. Считает, я ничего не сделал, чтобы мать спасти.

Шляется где попало, с мутными типами, влипает в неприятности, как назло. Натуральная оторва: эпатирует, провоцирует. Знает, я всё сделаю, чтобы вытащить из любой передряги. Если так пойдёт дальше, скатится по наклонной, и я и её потеряю. Если уже не потерял, — генерал тяжело глянул на Илью и замолчал.

— Исправление всегда сопряжено с жёсткими и кардинальными мерами, Вам ли не знать. Не сладко придётся: ни ей, ни Вам, чисто как отцу. Жалко не станет? А результат не гарантирован.

— Илья, несмотря на ваши кадетские впечатления обо мне, вы и понятия не имели, кто я и что. Уверен, ты не подведёшь. А гарантии оставь мастерам по ремонту чайников.

— По рукам. Теперь ваша очередь, раз такой кредит доверия ко мне.

— Разрабатывали тебя, на предмет шпионажа в пользу иностранной агентуры или вербовки противником. Из-за Корнеева. Считай, подставил он тебя.

— Корнеев — майор ФСО, с положением и целой когортой влиятельных родственников. Что за чушь? Да я его с детства знаю.

— Да предатель твой Корнеев. Это совершенно точно. А родственники, судя по всему, не в курсе дела. Тесть сейчас с инфарктом, в оборот сразу же взяли, несмотря на вес в госструктурах. А что до твоего, знаю с детства, это смешно. Ты сколько раз за последнее время того Корнеева видел? — по-

глядев на задумчивого собеседника, Овчаров кивнул. — То-то и оно.

— Тогда мне надо срочно действовать, — Илья соскочил с полока. — Извините, Вадим Михайлович.

— Кто понял жизнь, тот не спешит, — генерал солидно, как подобает по чину, поднялся на ноги. — Откушать со мной не побрезгуй. А потом тебя доставят, куда скажешь.

Решение вернуться в представительский лофт, который любезно предоставила Жанночка более месяца назад, являлось единственно верным и логичным. Только в нём, дотянуться до Ильи у спецслужб не получится, руки коротки. И это самый лучший выбор для организации штаба группировки намечающейся операции.

На внешний КПП, своей фазенды, так нескромно считал постоялец, доставили глубоко за полночь. Как обычно, тяжеловооружённые бойцы охраны сперва встали в стойку. Но когда идентифицировали незнакомца, сразу потеплели во всех отношениях и тотчас вызвали патрульный экипаж. А потом, уже будучи в салоне авто, пока ехал до резиденции, Илья прикидывал в уме стратегию дальнейших действий: «Задач на повестке две: перцовый пластырь Сосновский и дочка генерала. Вроде никак не пересекаются. А если попробовать совместить?»

Думы и планирование резко прервались привычно на-смешливым возгласом: «Нагулялся, разгильдяй?!». Илья

вдруг обнаружил, что незаметно для себя, оказался дома, на первом этаже, в просторной прихожей, занимающей треть всей площади. И, поглядев на девушку, что с улыбкой воззирала на него супротив, со стенки, невольно улыбнулся сам, отмечая её сногшибательный внешний вид. Как всегда.

«Я тоже рад тебя видеть. Третьяковых с Трофимовым на конференцию выведи, пожалуйста. Спят не спят, без разницы. Достанешь?»; «Можешь не сомневаться»; «Не поверишь, я нечаянно понял, что соскучился»; «Подхалимаж и лесть необязательны, но приятно. Оценила».

Исполнительная Мира уже через минуту соединила наполовину сонный коллектив в одну общину, поскольку Николай пока не спал. Разговор длился недолго, Илья просто назначил товарищам встречу на раннее утро и откланялся. Наступало время подготовки активных боевых действий.

«Мира, военное положение», — пошутил Илья, попутно скидывая с себя «потешный» наряд, в один из высокотехнологичных стиральных агрегатов, что стояли недалеко от пассажирской лифтовой кабины. Там же, рядом, во всю узкую стену располагалась гардеробная. Четыре отделения полностью набитые разного рода комплектами туалетов, на все случаи жизни. И как водится, женских три, а мужских одно. Закономерно.

После переоблачения в домашнее стало комфортно и уютно. Тем временем из-за спины донеслось, сухо и красноречиво: «Объективные данные по основным фигурантам, вклю-

чая анализ по предиктам⁶, и поведенческие предикаты⁷ подготовлены для ознакомления, мой генерал».

«Какая же ты умница, пусть и заумная. Только с генералом перегнула», — Илья обернулся и застыл в изумлении, от объёмного парадного построения. По стойке смирно. Мира в дизайнерском военном обмундировании, с эполетами, аксельбантами и прочим аксессуарами выглядела восхитительно. И шеренга из абсолютно идентичных, как под копирку, подтянутых суровых дев производила нереально крутое впечатление. Грозное. Хоть Илья и считал, что женщинам в армии не место, кроме медицины и столовой, здесь откровенно признался сам себе: можно сделать исключение.

«Вольно! Разойдись! — подождав, пока Мира не расформирует взвод, Илья уточнил: — А скажи-ка мне, кто фигуранты, по твоему мнению?»

«Бином Ньютона, право слово, — начала девица строго, в соответствии с форматом доклада, предваряющим войну, после чего улыбнулась и сменила тон: — А дай-ка угадаю, Сосновский сотоварищи с семьями, Овчарова Анжелика Вадимовна. И, безусловно, нужные тебе оперативники, для намечающейся партии, коллеги “ТТ”. Где будешь знакомиться со сводкой?»

⁶ Технология речевой аналитики, которая автоматически определяет итог и качество разговора, используется как синоним слов предсказание, прогноз.

⁷ Подобие условия, исходя из которого можно получить однозначный ответ «да» или «нет».

«А не догадываешься?»; «Ах ты, ленивец. Ладно, отправляйся на второй. Послушаешь, с галёрки».

«А как ты хотела? — Илья направился к лифту. — Разве я могу такое представление пропустить? Несколько часов волшебной музыки от такого шикарного адъютанта. Жаль, что ты иллюзорна...» — он коснулся сенсора и зашёл в кабину.

«Зачем ты меня обижаешь?» — Мира посерьёзнела.

«Я иносказательно, не сердись. Ты ведь со мной за компанию, допустим, в застолье не поучаствуешь».

«А ты хочешь? — прозвучало загадочно, затем, не дожидаясь реакции, голос продолжил: — Разберёмся с этим вопросом позже. Сначала с войны вернись, живым».

И они совместно приступили к разработке плана мероприятий, по противодействию внешним угрозам. Заняло это почти четыре часа. Где первые два Илья наслаждался аналитическими выкладками, касательно объектов и факторов влияния. Систематизировано и грамотно выстроенный по структуре отчёт завершился фразой: «Включайся, теперь я хочу удовольствие получить».

После доклада, в процессе мозгового штурма, Мира никаких советов не давала, просто выслушивала версии, иногда обрывая поток командира деликатным комментарием: «Бесперспективно», — таким образом подытоживая и помогая не тратить время на химеры. Что, к однозначной стратегии, Илью так и не привело, слишком много нюансов, а также ключевых точек, где реакция фигурантов на события сто-

процентным прогнозам не подлежала. Да и совещание прервалось, настало время выдвигаться на рабочую стрелку.

Спустившись на лифте в подземный паркинг, Илья в недоумении принялся разглядывать автопарк. Из трёх машин. Первая, благородный лимузин с дипломатическими номерами, вторая, элегантный родстер, также с «иммунитетом». И только на третью можно было не обращать внимание. Младшенький брат, сиротливо скучающий рядышком, неприметный японец-гибрид никак не вписывался в эстетически стильную линейку.

Опомниться Илья не успел. Лимузин призывно моргнул фарами, и зазвучал мелодичный вводный инструктаж, которому в дальнейшем последовал слушатель, пошагово: «Коснись пальцем водительской двери в любом месте... Молодец, присаживайся за руль... Теперь дотронься до приборной панели... Умничка, возьми с полки пирожок... На карте найди и отметь пункт назначения... Всё, больше ничего делать не надо, следуй согласно направлению, что отобразится на лобовом стекле. Если захочешь воспользоваться автопилотом, в любой момент движения нажми символ “AUTO”. До окончания маршрута, в любых обстоятельствах, не покидай салон и ни с кем в разговоры не вступай. Приятной поездки».

«А если остановят или ДТП? Да мало ли что...» — изумился финальному аккорду Илья.

«Если опасаясь за свою квалификацию, стоит сразу

прибегнуть к функции искусственного пилотирования, — подколола Мира. — В случае нештатной ситуации нажми кнопку аварийной остановки. Сигнализация активирует... сложно для тебя. Ещё раз повторяюсь: ни с кем не разговаривай, двери не открывай, пока не прибудешь в конечную точку. В экстренном случае жмёшь аварийку...»

«А если...», — вновь попытался возразить Илья.

«Один чудака иногда назадаёт столько вопросов, что и сотня мудрецов за сто лет не в силах разрешить, — пролетело весело, а затем Мира подытожила: — А если что, я тебе колыбельную спою».

И пошло-поехало. Поначалу чуть дискомфортно. Поскольку шедевр автопрома не издавал утробных звуков, привычных для восприятия. Видимо двигался на электротяге. И после уточнения у инструктора, которая оказалась на связи, Илья рассмотрел на панели флажок, отвечающий за способ питания двигателя. В данный момент там отображалась зигзагообразная молния. Всё встало на свои места. Он немного поигрался, переключая энергию, с «зелёной» на углеводороды, после чего целиком сосредоточился на управлении. Транспорт, теперь более понятный, понравился.

На место встречи, коим была выбрана средней паршивости забегаловка, зачинщик прибыл первым. Заведения высокого ранга слишком рано не открываются, исключая пельменные и прочий общепит. И, осмотрев окрестности, Илья, разодетый менее вызывающе, чем прежде, вскоре разме-

стился за столом, с белой скатёркой, с не до конца застиранными пятнами.

Вторыми прибыли Виктор со Светой: следуя предписанию Ильи, которое было принято без возражений и наводящих вопросов, женщина наоборот восприняла событие на ура, соскучилась, видимо обладая боевым характером, не лишённым нотки авантюризма.

Виктор сухо поздоровался и выжидательно уставился на Илью, как на прыщ, который хочется выдавить, но не можешь. Слишком больно.

— Итак, — начал Илья, — семеро одного не ждут, приступим. Для начала, кто-нибудь из вас сталкивался с поборниками ЗОЖ⁸ по жизни?

— Только не это, — Виктор в положении рука-лицо тяжко вздохнул.

— Я переболела, в своё время, — Света засветилась, косясь на супруга. — Серьёзно, со всеми атрибутами и экспериментами из сельдереев с котлетами из шпината. И раздельное питание...

— Не напоминай, — зашёлся супруг. — До сих пор этот гастрономический Освенцим не забыл.

— Отлично, Света, ты в деле, — Илья с улыбкой подмигнул блондинке. — Если согласна поучаствовать. Обещаю, тебе понравится.

Супруги Третьяковы переглянулись, Света с азартом, муж

⁸ Здоровый образ жизни.

в недоумении. Меж тем рядом плюхнулся Коля Трофимов и весело поприветствовал общий сбор:

— Рубил хвосты, если они ещё есть, — объяснил тот.

— Расслабьтесь, коллеги, здесь мы ничего обсуждать не будем, — Илья поднялся. — Коля, к бою готов?

— С вами, Илья Андреевич, хоть в огонь, хоть в воду, — рыжий парняга тоже поднялся.

— Тогда выдвигаемся, — Илья поглядел на Виктора. — Вить, ты пока не пригодишься, если понадобится, сообщу.

Для Виктора эта новость оказалась «Громовым, среди ясного неба», и он мрачно вымолвил:

— Это из-за моего тогдашнего...

— Не без того, зришь в корень. Всё, погнали, — и Илья отправился на выход.

Следом поспешил Николай. А Виктор получил ещё удар, от супруги, которая дёрнулась вслед за удаляющимися парнями. И на вопрос, «ты поедешь?», пожала плечами и недоумённо спросила, «а что не так?». И не услышав аргументов от застопоренного мужа, поцеловала того в щёчку и пошуровала на улицу.

Вскоре кавалькада очутилась у лимузина, и Илья, открыв водительскую дверь, пригласительным жестом указал остальным, мол, прошу.

«Да, ладно! — изумился Коля. — Та самая, которую вы мне заказывали отследить?»

«Коля, кто, чего, кому, давай на потом. Телефоны выключи»

чайте и прыгайте в салон».

Ровно в девять утра пред ясны генеральски очи предстал Сосновский, имея за пазухой пшик, в виде некрасивого доклада. Однако оставался нюанс, за который стоило зацепиться.

«Вчера имел беседу с Плещеевым, — в числе прочего излагал Борщ. — Согласно медкарте у Громова несколько ранений, в том числе одно тяжёлое. И вот интересный факт, при периодическом осмотре, наш эксперт на обнаружил серьёзных последствий поражений в тканях. Этот факт нельзя не принимать в расчёт, при решении, сворачивать дело или всё-таки на доследование. Под нашим носом может оказаться коварный изворотливый враг. Обстоятельства таковы, если предположить, допустим, что у Громова есть брат-близнец, о котором никто не знает, тогда прослеживается перспектива. В деле много деталей, указывающих на наличие необходимости продолжить разработку. Упустим момент, можем подставиться сами. Прошу дать мне возможность ещё покрутить...»

«Не возражаю, Руслан Григорьевич, — Лазарев поднял ладонь, обращая к подчинённому, — только не в ущерб текущим делам. Свободны».

И Сосновский, поработав с дежурными материалами в управлении, отправился на загородную базу. Прибыв к двенадцати часам, он первым делом вызвал Прозорова, кото-

рый сходу огорошил: «Доставили только Третьякова. Трофимова найти не смогли. Но по показаниям наружки, которая вела Третьяковых, сопоставили и выяснили. Утром Громов забрал с собой Трофимова и жену Третьякова, после чего ушёл из-под наблюдения и скрылся. Старчак пытался провести автомобиль Громова по камерам, но возникли технические трудности. Информации по местонахождению объекта нет».

Куда делась машина, догадаться было несложно. В ожидании Третьякова Сосновский верстал план мероприятий и набрасывал этюд из вопросов, которые наиболее выгодно решали задачу. Меж тем в дверь постучали. И, вскоре, после одобрения свыше, под колючим взглядом оказался Виктор. Помечающий про себя галочкой этот день, как неудачный в плане аудиенций, с уже вторым за сегодня, неудобным персонажем. И это только начало дня.

— И почему вы сейчас не со своим приятелем? — без прелюдий вступил Сосновский.

— Если вы о Громе, он мне не приятель, — прозвучало серьёзно, также без обиняков.

— Так-так, не приятель, — цепкий взгляд внимательно рассматривал субъекта, считывая реакции и мимику. — А как так получилось, что, по вашим словам неприятель, куда-то увёз вашу супругу?

— Если он мне не приятель, не значит, враг. Полагаю, и с точки зрения представителей закона, иначе находился бы

под стражей.

— Значит, полагаете, — Борщ на момент задумался. — А как вы полагаете, Громов двухнедельной давности, и нынешний, ведут себя одинаково? Вы ведь неплохо разбираетесь в людях, по моим сведениям.

Теперь задумался Виктор, сперва анализируя, кому роет яму своими вопросами службист. А затем, вспоминая и сопоставляя поведение в прошлом своего шефа, с личностью, из-за которой вновь очутился в «каталажке». И результат краткого анализа действительно указывал на разницу: между серьёзным Громовым; и ныне радостным, словно под стимуляторами, эмпатичным весельчаком. А если учесть недавнюю эскападу в варьете...

— Ну так что? — подстегнул мыслительный процесс Сосновский. — В точку?

— Есть отличия, — очнулся Виктор. — Но несвойственное поведение можно обосновать...

— Делать выводы не ваша прерогатива, — оборвал Борщ. — Теперь скажите, о чём вы разговаривали утром?

— Ни о чём существенном. Громов поинтересовался, имеется ли опыт здорового образа жизни, касаясь питания вероятно. Зачем, не объяснил, и больше ничего не обсуждали.

— Значит, не обсуждали. Ну-ну, — вперив взор в подопечного, службист начал выстукивать пальцами чечётку, затем резко поднялся и подошёл к окну. — Вот что, Виктор

Петрович, вы мне не интересны, в негативном аспекте. Можете не напрягаться. Но предупреждаю, играть со мной не стоит. Стоит сотрудничать. Не ошибитесь с выбором, как Громов. Вам же не всё равно, какое будущее вас ждёт. А я могу посодействовать, и в плане благосостояния в том числе, — он повернулся. — Уверен, вы примете правильное решение. Свободны.

Гостей приходилось слегка подгонять. Пока, озираясь по сторонам, открыв рты, те следовали за проводником. И будучи в широкомасштабной прихожей, Илья распорядился:

— Света, освежись и поплавай пока в бассейне или займись чем-нибудь в развлекательной зоне. Найдёшь чем, — он указал рукой на панель перехода в соседнее помещение.

— У меня купальника нет. А нудистом как-то неловко...

— Ах да, — новый указующий перст нацелился на гардероб, — там найдёшь всё, что нужно. Давай живенько, — Илья чуть ускорил Свету, взял Колю под руку и потянул к мужскому отделу. — Мы тоже переоденемся.

Вскоре мужчины вышли, уже в обновах. А дама всё копошилась, затем выглянув из примерочной, с довольным видом, уточнила, «всё-всё можно?». Утвердительный ответ породил бурю эмоций с возгласами. А Илья тем временем проводил краткий инструктаж, технический:

— Здесь всем заправляет, как бы попроще, умная виртуальная хозяйка. Обеспечит всем необходимым, посоветует,

снабдит любой аналитикой. Она в курсе насущных проблем.

— Хотите сказать: алгоритм не лагает и не глючит? Извините, конечно, но как специалист, сомневаюсь. Никакой навороченный умный дом с нейросетью не способны заменить творца. Разве что...

— Удивишься. А в контексте ума, здесь дом ума, ума палата. И поуважительней в обращении, она своенравная. Кстати, коммуникация с ней на тебе, коллеге тоже поможет. Вам придётся работать в паре со Светой. Задачи обрисую позже, наметим ключевые точки. Действовать будете самостоятельно. Координировать некому, даже в крайнем случае, прими к сведению. Считай, вступительный экзамен для тебя.

Меж тем Света, с улыбкой, продефилировала к указанной двери и скрылась с глаз долой. А следом, на широкой стене, на фоне филигранной работы инкрустаций, возникла нарядная девушка, как живая, чем удивила обоих. Огненная Жанна, которую не ожидал увидеть Илья, улыбнулась и заговорила с акцентом:

— Согласно этикету, Вы первым должны меня поприветствовать, мсье Громофф.

— Простите, графиня, мою неучтивость. Моё почтение. Очень рад Вас снова видеть.

— А кто это рядом с Вами?

— Как раз хотел представить. Разрешите отрекомендовать, Николай Трофимов, мой близкий коллега. Если Вы не

против, он остановится здесь, на некоторое время. Причина веская. Простите, если...

— Не утруждайтесь, — девушка вновь улыбнулась и удостоила внимания незваного гостя, который стоял с открытым ртом. Илье пришлось пихнуть соседа в бок.

— Простите... Я не знаю, как правильно... Извините, — сбивчиво забубнил Коля. Девуца рассмеялась и снисходительно кивнула: «Вы мне нравитесь, Николя. К тому же в ближайшее время вилла всё равно пустовала бы, — она вновь перевела взор на Илью: — Так что, мсье Громофф, распоряжайтесь пока, если угодно. Чао».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.